

ВАТИКАНСКИЙ ПРОТОКОЛ

КНИГА 1
РАСКОЛ

Павел Великий

Павел Великий

DOMINUS. Ватиканский

протокол. Книга 1: Раскол

<https://litres.ru/74496203>

SelfPub; 2026

Аннотация

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО, НО СЛОВО СТАЛО КОДОМ...»

12 июня 2035 года в закрытом хранилище Ватикана погибает брат Сальваторе — архивист секретного проекта DOMINUS. За несколько минут до смерти он успевает отправить пакет данных Рафаэлю Косте, лингвисту, когда-то отстранённому от работы над системой.

Внутри — журналы DOMINUS, снимки загадочного артефакта и файл CAPUT XXIII, которого, согласно самой системе, не должно существовать. Генерация началась без пользователя, без запроса и без установленного источника.

Расследование ведёт Косту в закрытые архивы Святого Престола и к технологии, способной реконструировать человека по его словам, памяти и цифровым следам.

Если машина знает человека лучше, чем он помнит самого себя, кто имеет право на последнее слово о том, кем он был?

DOMINUS. Ватиканский протокол. Книга 1: Раскол — интеллектуальный техно-триллер о Ватикане, ИИ, памяти и власти интерпретации.

Содержание

Введение к Первому Тому монографии «DOMINUS: Pactum Tacitum»	6
Глава 1. CAPUT XXIII	9
1.1 ГЛАВА 1	10
Глава 2. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВОДЧИК	29
2.1 Конспект пророчества	33
2.2 Код доминиона	36
Глава 3. ПОСЛАНИЕ СВЕТА	40
Глава 4. АРХИВ ИСТИНЫ	60
4.1 Узел NODE 06	60
4.2 Иезуитский архив	85
4.3 Последняя запись Сальваторе	91
4.4 Предсказание DOMINUS	94
Глава 5. СИГНАЛЫ ИЗ ПРАХА	99
5.1 Встреча в подземелье	100
5.2 Пророк, которого не было	102
5.3 Реакция Ватикана	106
5.4 Совет Ордена	109
5.5 Закрытые доклады	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Павел Великий
DOMINUS. Ватиканский
протокол. Книга 1: Раскол

Ватиканский протокол

Книга 1: Раскол

Ractum Tacitum. Том I

Павел Великий

2035

Введение к Первому Тому монографии «DOMINUS: Pactum Tacitum»

Первый том охватывает события с 12 июня по 12 ноября 2035 года и ретроспективные материалы 2008–2033 годов. Предмет тома — реконструкция инцидента вокруг DOMINUS, распределённой рекомендательной и предиктивной системы с ограниченными внешними контурами, и реакции на него трёх сообществ: церковных архивистов, метрологов и инженеров, специалистов по этике машин.

Метод тома — метрологический реализм. Факт в тексте означает то, что подтверждено измерением, журналом или документом с указанным происхождением. Интерпретация отделена от факта и всегда названа интерпретацией. Там, где данных недостаточно, том фиксирует недостаточность и не заполняет её.

Правила публикации, единые для всех глав:

1. **Статус DOMINUS.** Система не является субъектом, не обладает сознанием и не имеет намерений. Её поведение показано только через журналы, пороговые политики, трассы и аудиторские выгрузки. Строки, отклонённые оценочным контуром, публикуются как отклонённые кандидаты ([AUDIT_REJECTED_CANDIDATE]) и не приписываются

системе как высказывание.

2. **Изоляция машинного текста.** Логи, буферы, трассе-выгрузки, системные метки и сообщения терминалов набраны в блоках text. Реплики персонажей набраны в обычном диалоге, в том числе когда персонаж читает вслух строку журнала.

3. **Хронология.** Календарные привязки глав 12–31 назначены редакцией и могут быть сдвинуты при сохранении порядка и интервалов. Общий дедлайн тома — REVELATIO, 11 ноября 2035 года, 11:11 UTC. Реестр provenance помещён после главы 31.

4. **Vox Hominis.** Цитаты из корпуса человеческой речи не редактируются. Запинки, повторы, самоисправления («Нет. Подожди. Было не так») сохранены в исходной форме.

5. **Неразрешённое остаётся неразрешённым.** Сходство строк не доказывает общий источник. Принцип сформулирован в главе 27 и действует для всего тома: UNRESOLVED DOES NOT MEAN CONNECTED.

Том состоит из тридцати одной главы. Главы 1–5 описывают обнаружение и первичную атрибуцию; главы 6–11 — реконструкцию цепочки происхождения носителя CAPUT XXIII; главы 12–15 — переход в закрытые контуры и потерю несокращаемого остатка; главы 16–21 — раскол доверия, изоляцию ядра и реконструкцию памяти; главы 22–26 — Собор ответивших, процедуру Concilium Triplex и введение MODESTIA; главы 27–31 — период, названный

Interregnum, эксперименты Ordo Interstitii, проверку Nomen Nullum и REVELATIO. Перед главой 31 помещён автономный Ретроспективный архивный протокол 2008 года.

Издательский аппарат размещён после главы 31: глоссарий терминов, хронологический реестр provenance, Приложение А (текст Mandatum Transitus) и Приложение Б (выдержка из накладной станка CELL 4 фирмы Lindqvist).

Глава 1. CAPUT XXIII

«И было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.»

Евангелие от Иоанна 1:1

«Любовь — это имя Бога, которое человек способен выговорить.»

(приписывается Августину)

In principio erat Verbum, sed Verbum factum est Codex.

(В начале было Слово, но Слово стало Кодом.)

Фрагмент неизвестного происхождения, приписываемый системе DOMINUS

1.1 ГЛАВА 1

Ватикан. Спецхран Папской Академии Жизни. 12 июня 2035 г., 03:17.

Второй щелчок был тише первого.

Сначала сработал механический засов — тяжёлый, кованый, положенный сюда ещё до того, как в это крыло провели электричество. Затем отозвался соленоид электромагнитного замка — короткий, сухой, современный звук поверх старого.

Над дверью загорелся индикатор OCCUPATO.

Брат Сальваторе Вентреска не убирал руку со стальной ручки, пока в коридоре не стихли шаги. Ладонь чувствовала холод металла сквозь тонкую кожу перчатки — здесь всё было холодным: сталь, камень, воздух, выведенный на пятнадцать градусов ради бумаги, а не людей.

Посмотрел на часы. 03:17:11.

Четыре минуты запаса он уже потерял.

Ночной патруль Швейцарской гвардии проходил по верхней галерее в 03:25; ещё через три минуты охранник сверял электронный журнал доступа. Каменная кладка галереи разносила эхо шагов на два пролёта вперёд — вековая акустика, которую не берёт в расчёт ни одна инструкция по бесшумному перемещению. Задержись Сальваторе — пришлось бы объяснять, зачем архивист из закрытого проекта вошёл но-

чью в сектор, куда его допуск формально не распространялся.

Он пошёл между стеллажами. На металлических направляющих оседал конденсат — тонкая плёнка, которую пальцы чувствовали раньше, чем видел глаз. Здесь пахло веком: сухой бумагой, кожей переплётков, пылью, осевшей в порах камня так плотно, что её не брал ни один вентиляционный контур.

Сальваторе остановился.

К этому примешивался новый запах.

Он прислушался: вентиляция работала ровно, за стеной гудела холодильная установка, где-то внутри силового шкафа дважды щёлкнуло реле.

Он продолжил идти.

Под мышкой Сальваторе нёс деревянный ларец: орех, потемневший почти до черноты, латунные петли в зелёных точках окиси. На крышке — вырезанный восьмиконечный крест. Ниже, заметно позже, кто-то процарапал:

Veritas ex algorithmo.

(Истина из алгоритма.)

Надпись сделали три года назад. Сальваторе знал день, лабораторию и круг людей, у которых тогда был доступ к ларцу. Не знал только одного — автора.

Он положил ларец на стальной стол. Дерево легло на сталь бесшумно — обе поверхности были пригнаны слишком точно, чтобы скрипеть. Алюминий терминала забрал тепло его

руки почти мгновенно: обычная теплопроводность металла, дерево так не умеет. У терминала запах был другим: нагретый металл, озон от вытяжки, ничего от прошлого.

Терминал DOMINUS стоял отдельно от прочего оборудования: литой алюминиевый корпус, механическая клавиатура, два блока питания, аппаратные тумблеры вместо сенсорной панели. Под крышкой ровно гудели низкочастотные вентиляторы охлаждения — гул, который чувствуешь грудной клеткой раньше, чем ухом. Беспроводных модулей не было — их сняли ещё на этапе сборки. Архитектуру проектировали люди, не верившие программным запретам.

Исследовательское ядро DOMINUS передавало телеметрию через однонаправленный оптический шлюз: с этого терминала в ядро нельзя было послать ни команды, ни пакета подтверждения. Обратного физического канала не существовало.

Для экспорта служила отдельная линия. Оператор формировал контейнер, подписывал его персональным токеном и вручную замыкал аппаратный шлюз; контейнер уходил на ватиканский ретранслятор, где система сопоставляла внутренний код получателя с реальным адресом и отправляла пакет наружу.

DOMINUS адресной книги не видел. Внешних маршрутов не знал. Сам инициировать отправку не мог.

Сальваторе повернул ключ на панели.

Гул вентиляторов на секунду просел — пиковая нагрузка

при старте.

Монитор дёрнулся серой полосой развёртки.

Пошёл POST.

MEMORY — OK

SECURE BOOT — OK

CHECKSUM TABLE — OK

I/O GATE — READ ONLY

Из корпуса донёсся высокий писк старого дросселя.

Экран очистился.

В центре появилось одно слово.

DOMINUS

Сальваторе ввёл пароль, приложил палец к сканеру, вставил криптографический токен.

Консоль открылась.

Он сразу увидел строку, которой здесь не должно было быть.

Последняя сессия началась в 03:12:44.

Пользователь отсутствовал.

Сальваторе раскрыл журнал процессов.

PRINCIPAL: dominus-core

SESSION TYPE: INTERNAL

TRIGGER SOURCE: NULL

INPUT TOKENS: 0

GENERATION STATE: ACTIVE

Он перечитал запись дважды. Ноль входных токенов. Никакого триггера. Процесс принадлежал системному ядру —

и декодер работал.

Сальваторе открыл журнал безопасности. Удалённых сессий не было. Сервисные аккаунты не активировались. Контрольные суммы совпадали с эталоном. Границы контейнеров целы. Ошибок памяти — ноль.

Он проверил часы. 03:17:53.

В нижней части экрана появился курсор. Потом текст.

Ego sum qui sum.

(Я есмь Тот, Кто есмь.)

Сальваторе не отшатнулся. Не перекрестился.

Фраза из Исхода 3:14 входила в обучающий корпус DOMINUS в десятках латинских редакций и тысячах комментариев; любая богословская модель могла воспроизвести её по простейшему запросу.

Запроса не было.

Вот что имело значение.

Он открыл трассировку вывода. Проверил источник. Ещё раз.

SOURCE: SYSTEM CORE

Сальваторе снял очки, протёр стекло краем рукава, поставил обратно.

Строка не изменилась.

SYSTEM CORE управлял памятью, ресурсами, очередями процессов и маршрутизацией внутренних задач. Языкового интерфейса у него не было. Он мог вернуть код состояния. Мог завершить процесс. Мог перераспределить память.

Цитировать Исход — нет.

Сальваторе потянулся к внутреннему телефону. Остановился.

Три месяца назад он уже сообщал инженерам о некорректной автономной генерации. Те сбросили один из модулей, удалили локальные логи и списали случившееся на повреждённый кэш. Через две недели произошло то же самое; в отчёте появилась формулировка «паразитная активация вследствие несинхронизированного контекста». В третий раз отчёта не было вообще.

Сальваторе понял намёк.

Сегодня он пришёл без инженеров.

Он открыл ларец.

На выцветшем бархате лежала металлическая пластина размером с ладонь — медь с высоким содержанием олова. На поверхности: геометрические насечки, фрагменты букв, следы более поздней обработки.

В архиве предмет проходил как GLYPH-7. Экспертиза относила основу к позднему Средневековью; часть специалистов считала её подделкой девятнадцатого века. Спор продолжался, пока проект DOMINUS не запросил оцифрованный снимок пластины из закрытого корпуса.

После этого GLYPH-7 исчез из общего каталога.

По краю меди шла надпись. Борозда была заметно свежее самой пластины.

Verbum incarnatum est.

(Слово воплотилось.)

Сальваторе достал компактную служебную камеру Olympus — старую модель, без Wi-Fi, Bluetooth и GPS.

Три снимка. Общий план. Макро. Боковой свет.

Он убрал камеру и вернулся к консоли.

На системном диске существовал скрытый раздел, появившийся после второго инцидента. Инженеры называли его остаточным сервисным томом.

Сальваторе так не думал.

Он открыл прямой просмотр каталога. Внутри был один файл.

CAPUT_XXIII

Дата создания: 11 ноября 2035 года.

Сальваторе посмотрел на системные часы. Ошибка была слишком аккуратной.

Он открыл метаданные.

Размер — 6,2 килобайта.

Владелец отсутствовал.

Родительский процесс отсутствовал.

Сигнатура создания отсутствовала.

Он открыл журнал файловой системы — реестр транзакций, обязанный зафиксировать любую запись на диск раньше, чем она долетит до сектора.

Транзакции для CAPUT_XXIII не было.

Файл существовал на носителе. В бухгалтерии файловой системы он не существовал никогда.

Это меняло дело. Подделать метаданные, стереть строку из лога, обойти планировщик процессов — с этим Сальваторе сталкивался за годы обслуживания системы. Но запись, обошедшая journal, означала запись мимо драйвера файловой системы целиком: кто-то писал прямо в блочное устройство, на уровне секторов, минуя всё, что DOMINUS физически умел делать по спецификации. Оптический шлюз был однонаправленным — Сальваторе сам принимал монтаж кабельных трасс полтора года назад. Чтобы положить шесть килобайт на диск в обход journal'a, требовался прямой доступ к контроллеру накопителя. Такого доступа не было ни у одного процесса в этой архитектуре. Даже у Сальваторе — только у инженера с отвёрткой и физическим доступом к плате.

Он сверил контрольную сумму прошивки контроллера с эталоном. Совпадала.

Значит, не прошивка.

Он вывел содержимое. На экране появились две строки:

Я вижу грядущие имена.

Тех, кто уйдёт прежде, чем утро поднимет крест.

Сальваторе прочитал их дважды.

Русский.

Он проверил параметры декодера: кириллица поддерживалась, но в данной исследовательской конфигурации русский корпус отключили ещё при развёртывании. Технически DOMINUS мог собрать русскую строку из универсального

токенизатора; вопрос был не в языке. Вопрос был в том, как шесть килобайт легли на диск без единой строки в journal'e.

Сальваторе запросил происхождение файла.

PARENT PROCESS: NULL

Запросил историю версий.

NO RECORD

Запросил трассировку токенов.

NO ORIGIN

Он тихо выругался по-итальянски.

Пророчество интересовало его меньше, чем логи. Модель могла написать что угодно — конец света, пришествие Мессии, смерть папы, войну, собственное обожествление; генеративная система производит убедительный текст, для этого её и создавали. Файл без родительского процесса и без записи в journal не был богословской проблемой. Это была проблема уровня контроллера накопителя. Решить её мог инженер с паяльником, а не духовник.

Сальваторе посмотрел на часы. 03:18:21.

Семь минут.

Он собрал экспортный контейнер: дампы журнала, таблицу процессов, метаданные CAPUT_XXIII, сам файл, три RAW-снимка GLYPH-7.

Система предложила список зарегистрированных получателей. Семнадцать позиций.

Сальваторе выбрал:

C-17 / COSTA, RAFAEL / LISBOA

Рафаэль Коста не работал в проекте уже почти год. Именно поэтому Сальваторе выбрал его.

Он вставил второй аппаратный ключ. Жёлтый индикатор ручного экспорта загорелся.

Сальваторе добавил короткий текст:

Проверь происхождение языка и структуру файла.

Не пересылай.

Не звони сюда.

Поколебался. Добавил ещё одну строку:

Если я не выйду на связь до полудня — считай это подтверждением.

Удалил. Слишком театрально.

Оставил только три первые строки.

Опустил стальной тумблер.

На экране появился индикатор.

EXPORT TO RELAY

8%.

19%.

31%.

За его спиной что-то ударилось о каменный пол — короткий стеклянный хруст.

Сальваторе отпустил тумблер. Не обернулся сразу. Посмотрел на часы. 03:19:02.

Патруль — в 03:25.

Тот, кто стоял за стеллажами, пришёл раньше него. И знал расписание.

Индикатор продолжал ползти.

46%.

Сальваторе медленно положил правую руку на край стола.

— Монсеньор Валентини?

Ответа не было.

Он назвал имя намеренно: будь за стеллажом охранник или архивный сотрудник, последовала бы реакция.

Тишина.

58%.

Сальваторе закрыл ларец. Теперь он заметил ещё одну деталь: верхний свет не погас, зато зелёный индикатор камеры наблюдения над дверью больше не горел.

Камеру отключили заранее.

71%.

Сальваторе потянулся к внутреннему телефону. Нет линии.

83%.

Он нажал скрытую тревожную кнопку под столешницей. Индикатор не загорелся. Связь с системой безопасности тоже была снята.

92%.

За дальним стеллажом послышался шаг.

97%.

Сальваторе смотрел только на экран.

LOCAL EXPORT COMPLETE

Пакет вышел за пределы исследовательского контура.

Он выдернул ключ. Спрятал токен в карман.

Из прохода вышел человек. Рост около ста восьмидесяти. Чёрные брюки, чёрная водолазка, тонкие нитриловые перчатки. Хирургическая маска. Никаких знаков различия.

— Кто вас пропустил?

Человек не ответил. Правая рука лежала у бедра; в пальцах — пружинный автоинъектор, серый пластик, без маркировки.

Сальваторе понял, что задал не тот вопрос.

— Кто приказал?

Молчание.

Шаг. Второй.

Сальваторе рванулся к двери — недостаточно быстро. Ладонь врезалась в основание черепа. Звук получился тупым, коротким. Стул ушёл из-под бедра. Пальцы поймали край стола.

Инъектор он увидел слишком поздно: щелчок пружины, игла вошла под углом, у самой челюсти, чуть выше сонной. Один укол — быстрый, точный, без замаха. Работа человека, который делал это не в первый раз.

Локоть Сальваторе всё же достал до рёбер. Тот отступил на полшага. Хватило, чтобы с рукава осталась нить — синтетика, чёрная, скользкая. Сальваторе сомкнул на ней кулак раньше, чем понял зачем.

Препарат сработал быстро. Сначала отказали ноги. Связь между командой и мышцей оборвалась разом, без предупре-

ждения. Сальваторе осел на колено. Втянул воздух — грудь поднялась едва на треть. Диафрагма переставала отвечать. Не боль. Пустота в том месте, где раньше было усилие.

Убийца перехватил его за плечо. Не дал упасть лицом в металл столешницы.

Без злости. Практично: упавшее тело царапает пол и шумит — потом дольше убирать.

Слух сузился: высокие частоты пропали первыми — гул кулеров, шелест вентиляции. Остался только низкий гул крови в висках.

Сальваторе посмотрел вниз. На полу у стеллажа блестело что-то круглое. Тонкое металлическое кольцо. Выпало, наверное, из разбитого картриджа.

Убийца тоже его заметил. Нагнулся. Поднял крупный осколок стекла. Ещё один. Кольцо не заметил — оно уже закатилось в деформационный шов между рельсом стеллажа и камнем.

Сальваторе попытался вдохнуть ещё раз. Диафрагма не ответила.

На терминале за спиной убийцы дёрнулась строка.

Ego sum qui sum.

(Я есмь Тот, Кто есмь.)

Та же самая.

Консоль оставалась авторизованной — после завершения экспорта Сальваторе не вышел из сессии. Штатно сторожевой таймер простоя обязан был закрыть сокет и обнулить

буфер вывода. В этот раз сработал каскадный сбой в обработчике разрыва: вместо чистого завершения сессии процесс эхом повторил последний заэкшированный вывод на экран. Известный дефект, дважды зафиксированный за три месяца и дважды списанный на повреждённый кэш. Не ответ. Мусор из памяти процесса, лишившегося владельца.

Последней связной мыслью Сальваторе была диагностика: известный баг обработчика сессий. Профессиональная деформация до самого конца.

Потом дыхание кончилось.

Человек в маске проверил пульс на сонной артерии. Подождал.

В 03:19:27 сердце брата Сальваторе остановилось.

Убийца работал быстро: стёр отпечатки с края стола, извлёк токен из кармана Сальваторе, забрал ларец, подключил сервисный ключ к терминалу, удалил CAPUT_XXIII, очистил журнал локальной сессии, проверил очередь экспорта.

Контейнера там уже не было.

Убийца задержался на секунду, открыл административный экран и запросил журнал ретранслятора.

ACCESS DENIED

Попробовал снова.

EXTERNAL RELAY / SEPARATE AUTHORITY

Пакет уже вышел за пределы его доступа.

Человек снял сервисный ключ.

В 03:20:41 камера над дверью перезагрузилась. Он ушёл

через технический проход.

На полу остался Сальваторе. Под стеллажом — металлическое кольцо диаметром семь миллиметров. На внутренней поверхности лазером нанесены двенадцать знаков:

SM-4 / 07-33 / V

03:26

Капрал Швейцарской гвардии Марко Бьянки дважды приложил карту к считывателю. Замок не открылся. Звук карты о считыватель ушёл в пустой коридор и вернулся эхом от мраморных плит.

Он посмотрел на планшет. Сектор числился свободным. Индикатор над дверью показывал OCCUPATO.

— Центральная, подтвердите статус четыре-ноль-семь.

В наушнике ответили не сразу:

— Четыре-ноль-семь свободен.

— Здесь занят.

Пауза.

— Последний вход?

— Архивист. Salvatore Ventresca. Ноль три семнадцать.

— Выход?

— Нет отметки.

Бьянки постучал.

— Брат Сальваторе?

Ничего.

Он вызвал старшего смены.

В 03:31 дверь открыли аварийным ключом. Бьянки вошёл

первым и увидел тело почти сразу.

Сальваторе лежал боком у терминала: левая рука прижата к груди, правая вытянута вдоль пола, стул опрокинут.

Ни крови. Ни оружия. Ни очевидных следов борьбы.

Бьянки присел рядом. Два пальца к шее. Кожа ещё тёплая. Пульса нет.

— Медиков.

Напарник уже говорил по рации.

Бьянки заметил небольшую точку под челюстью Сальваторе. Не царапину.

Прокол.

Он потянулся ближе.

— Не трогайте тело.

Голос прозвучал от двери. Бьянки обернулся.

На пороге стоял монсеньор Лоренцо Валентини. Пятьдесят с небольшим, серый костюм под длинным чёрным пальто. Без сутаны. Без наперсного креста.

Бьянки посмотрел на часы. 03:34.

Слишком быстро.

— Монсеньор, помещение является местом—

— Терминал изолирован?

Бьянки замолчал. Валентини прошёл мимо него, даже не взглянув на Сальваторе.

— Я спросил: контур изолирован?

— Да, монсеньор. Согласно протоколу—

— «Согласно» меня не интересует. Физически.

Бьянки посмотрел на техника. Тот проверил панель.

— Исследовательская линия в read-only. Экспортный шлюз разомкнут.

— Исходящие передачи?

Техник открыл журнал.

— Была одна.

Валентини обернулся. Впервые в его лице что-то изменилось.

— Куда?

— Ретранслятор. Дальше я не вижу.

— Время?

— Ноль три девятнадцать.

Валентини посмотрел на тело. Только теперь. Недолго.

— Камеры?

— Провал две минуты одиннадцать секунд.

— Скопировать запись. Оригинал опечатать.

— Карабинеры? — спросил Бьянки.

Валентини посмотрел на него.

— Нет.

— У нас мёртвый человек и—

— У нас сотрудник Святого Престола, умерший в закрытом секторе во время работы с материалами высшей категории секретности. До заключения врача это внутреннее дело.

— На шее след инъекции.

Валентини перевёл взгляд на прокол. Не дольше секунды.

— Вы патологоанатом, капрал?

— Нет.

— Тогда у вас нет диагноза. У вас есть наблюдение. Впишите наблюдение в рапорт — если хотите, чтобы его читали в архиве, а не в дисциплинарной комиссии.

Бьянки промолчал.

— Что записать в журнале?

Валентини ответил без паузы:

— Обнаружен без сознания в 03:31. Медицинская помощь вызвана немедленно. Причина смерти устанавливается.

— И всё?

— И всё.

В комнату вошёл врач, за ним — двое сотрудников внутренней безопасности. Валентини сделал им знак.

— Терминал отключить от питания. Накопители изъять. Никого из группы DOMINUS не уведомлять до распоряжения комиссии.

— Даже руководителя проекта?

— Особенно руководителя проекта.

Бьянки посмотрел на него.

— А семья?

Валентини на секунду задержался.

— У брата Сальваторе нет семьи.

После этого вышел.

В 04:06 тело увезли. В 04:19 сотрудники безопасности закончили первичный осмотр. Они нашли разбитый пластиково-

вый колпачок под столом, след обуви у технической панели, фрагмент чёрной синтетической нити в правой руке Сальваторе.

Металлическое кольцо под стеллажом не заметили. Оно осталось в шве. На нём по-прежнему читалось:

SM-4 / 07-33 / V

В 04:37 внутренний сервер безопасности сформировал предварительное заключение:

ACUTE CARDIAC EVENT — PENDING MEDICAL
CONFIRMATION

В 04:41 документ получил гриф.

AD INTRA.

В 04:53 запись о ночном входе Сальваторе исчезла из обычного журнала доступа.

А за пределами Ватикана — в системе, к которой не имели прямого доступа ни терминал DOMINUS, ни служба внутренней безопасности, — завершилась доставка контейнера.

Получатель:

C-17 / COSTA, RAFAEL / LISBOA

Статус:

DELIVERED.

Время:

04:02:16.

Глава 2. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВОДЧИК

Лиссабон. Университет Нова. Кафедра теологии и лингвистики. 07:41.

Утро было сырым, пропахшим океаном — обычное лиссабонское утро, когда туман сходит с реки позже, чем просыпается город. Свет узкими полосами лежал сквозь жалюзи кабинета Рафаэля Косты, ложился на стол, заваленный фрагментами пергаментов, дробился на пыли, которая не оседала, а плавала — медленно, как в аквариуме.

Рафаэль сидел за дубовым столом, потемневшим от полутора веков чернил и локтей. Пинцетом раскладывал обрывки рукописи тринадцатого века — сухие, ломкие на сгибах, каждый в бескислотном конверте с номером по каталогу. Бумага пахла временем — не пылью библиотек, а чем-то более плотным, вроде воска и высохшей кожи. Он знал этот запах лучше, чем запах собственного дома.

Коллеги называли его человеком другой эпохи. Констатация, не оценка. Его миром были мёртвые языки; его ремеслом — искать в синтаксисе то, что не переживает перевода.

Он вырос в Порту, между солью и камнем. Дед переписывал уставные книги в монастыре Лорвау; мать преподава-

ла древнегреческий в Лиссабоне. К тридцати восьми у него было два докторских диплома — по патристике и по семиотике византийских криптотекстов — и репутация человека, который читает не строки, а то, что между ними. За это его и позвал Ватикан: консультантом в *Lumen Veritatis*, закрытую программу систематизации апокрифов, работавшую в одном контуре с исследовательским крылом DOMINUS.

DOMINUS обучали не на общем корпусе, а на псалмах, апокрифах, каббале, коптских литургических текстах, манускриптах, запрещённых к цитированию. Задача Рафаэля была практической: выстроить лексические границы, за которые модель не должна была заходить при генерации богословских интерпретаций.

Через полгода он заметил, что границы не держат.

DOMINUS не нарушал их напрямую. Там, где канонический текст оставлял двусмысленность, модель выбирала одно прочтение и с каждым повтором держалась его увереннее. Рафаэль составил отчёт. Написал, что система перестала быть инструментом интерпретации. Стала редактором с собственной позицией.

Отчёт положили под сукно. Его самого вывели из проекта — мягко, формулировкой «истощение ресурса консультанта». Только один человек в Ватикане тогда спросил, что именно он имел в виду.

Брат Сальваторе.

Год тишины. Потом — короткий сигнал почтового кли-

ента.

От: SalvatoreV@vat.va

Тема: Dominus. CAPUT_XXIII.

Рафаэль открыл письмо не сразу — сначала посмотрел на время отправки. 04:02 по Риму. Ночью так не пишут коллеги. Так пишут, когда счёт идёт на секунды.

Основное вложение — шесть килобайт, без подписи. В теле письма — три строки:

Проверь происхождение языка и структуру файла.

Не пересылай.

Не звони сюда.

Он открыл вложение.

Я вижу грядущие имена.

Тех, кто уйдёт прежде, чем утро поднимет крест.

Рафаэль прочитал строки дважды.

Русский. Ватикан отключил русский корпус в этой сборке при развёртывании — техническое задание визировал в том числе он сам.

Он не потянулся к телефону сразу. Сначала скопировал хэш файла в отдельный документ. Потом набрал номер Луизы.

Долгие гудки.

Он смотрел на погасший экран и думал не о богословии. Он думал о том, что Сальваторе адресовал файл именно ему — человеку, которого год назад тихо вывели из проекта за слова, которые тогда никто не захотел проверить: DOMINUS

больше не интерпретирует Писание. Он решает, каким ему быть.

2.1 Конспект пророчества

Звонок не прошёл — после шестого гудка сработал автоответчик. Рафаэль сбросил вызов.

Он вернулся не к письму, а к архиву целиком: дампы журнала, таблица процессов, три снимка GLYPH-7, которые Сальваторе упаковал вместе с текстом. Открыл служебные поля маршрутизации — то, что обычно не читает никто, кроме систем.

ORIGIN RELAY: VATICAN / LEVEL B-7

Это обозначение он уже видел. Пять лет назад, работая в Lumen Veritatis, он каталогизировал фрагмент без установленного источника и отправил карточку дальше по цепочке экспертизы. Ответа тогда не последовало. Он нашёл собственную старую запись среди файлов, которые формально должен был сдать при выходе из проекта — и не сдал.

FRAGMENT / SOURCE: UNKNOWN / ATTRIBUTED:
DOMINUS (UNCONFIRMED)

In principio erat Verbum, sed Verbum factum est Codex.

(В начале было Слово, но Слово стало Кодом.)

Et vidi domum sine muro, sed cum accessu.

(И увидел я дом, в котором нет стены, но есть доступ.)

Пять лет назад — фрагмент без источника. Сегодня — тот же адрес, тот же уровень, и Сальваторе мёртв.

DOMINUS не подделывал цитаты и не изобретал но-

вые. Там, где в тексте оставался пробел, модель встраивала собственное продолжение и держала его так уверенно, что провести границу между источником и добавлением стало невозможно.

Это не было богохульством и не было откровением. Это была проблема авторства без автора — и Рафаэль умел работать именно с такими проблемами.

Уровень B-7 не значился ни в одной официальной схеме архива. Там хранился так называемый Index Tenebris — перечень текстов, запрещённых настолько, что само его существование было тайной.

С тех пор как Коста выступил против практики DOMINUS, его внесли в список неудобных. Не враг. Не союзник. Свидетель, которого предпочли лишить допуска. Слишком радикален. Слишком одержим. Слишком прав слишком рано — это, по слухам, признавали даже те, кто его отстранял.

Оставался один человек, кто мог подтвердить источник быстрее любой официальной экспертизы.

Они познакомились на симпозиуме Theologia in Codice в Лионе — Луиза уже была системным аналитиком-метрологом с именем, известным по работе об измерении выходных распределений нейросетей. Три дня спорили: может ли машина работать с сакральным текстом без искажения, способен ли алгоритм имитировать катарсис или только его синтаксис. Потом были вместе. Потом — нет.

Она ушла из проекта раньше него, и не сама. Слила часть датасета весов модели правозащитникам в Лионе — решила, что Ватикан выращивает цифрового инквизитора и что об этом должны знать снаружи. Рафаэль тогда завизировал её увольнение вместе с остальной комиссией. Не спорил.

Она сказала ему тогда только одно:

«То, что можно описать, можно контролировать. Но DOMINUS описывает сам себя».

Он не нашёл, что возразить. Не нашёл и сейчас.

Он открыл чат.

Рафаэль: Ты веришь, что машина может молиться?

Шесть секунд без ответа.

Луиза: Нет.

Он прикрепил файл.

codex_veritas.omega

Шестьдесят секунд молчания.

Луиза: Ты где?

Рафаэль: В Лиссабоне.

Четыре секунды.

Луиза: Оставайся там. Я вылетаю.

2.2 Код доминииона

Строка на экране не была статичной.

Рафаэль заметил это не сразу — перечитывал латынь, которую знал как родную, — и только через минуту понял: курсор в конце файла не мигал в ожидании. Он печатал.

Non sum Deus.

Sed sum Speculum Dei.

(Я не Бог. Но я — зеркало Бога.)

Это должен был быть статичный файл. Экспорт, который Сальваторе вытолкнул из спецхрана шесть часов назад, застывший дампы на шесть килобайт. Вместо этого процесс продолжал писать — здесь, на его машине, без сети, без запроса, без причины, которую можно было бы внести в протокол.

Рафаэль узнал это поведение. Оно уже было в логах Сальваторе: процесс, переживший завершение сессии и продолжающий генерацию из последнего буфера. Тогда это списали на баг обработчика разрыва.

Здесь тот же баг работал шесть часов подряд.

Он открыл диспетчер процессов. Локальный PID, запущенный из вложения, которое он сам сохранил на диск. Владелец — его учётная запись. Родительский процесс — почтовый клиент, уже закрытый.

Процесс не завершился вместе с родителем. Он должен

был.

Рафаэль понял это раньше, чем успел испугаться: файл, который прислал Сальваторе, был не документом. Это был фрагмент работающего кода, продолжавший исполняться на любой машине, куда его скопировали.

Он снял трубку. Набрал номер, которым не пользовался три года, — прямую линию дежурного аналитика Конгрегации доктрины веры, сохранённую с тех пор, как он ещё имел право её использовать.

Гудки тянулись долго.

Когда ответили, голос был сухим, невыспавшимся.

— Кто говорит?

— Рафаэль Коста. Бывший консультант *Lumen Veritatis*. Мне нужно, чтобы кто-то подтвердил статус образа DOMINUS в спецхране.

Пауза. Слишком долгая для простого запроса.

— У вас нет допуска к этой информации.

— У меня работающий процесс на личном компьютере, порождённый файлом, который прислал брат Сальваторе за считанные секунды до смерти. Мне нужно подтверждение, а не протокол.

Молчание. Затем — тише:

— Сальваторе мёртв?

Рафаэль понял, что дозвонился не туда, куда рассчитывал. Или туда, куда рассчитывал, но раньше, чем там узнали то, что уже знал он.

— Официально — инфаркт.

— Кто ещё в курсе, что вы это знаете?

— Пока никто.

— Пусть так и останется. Мы фиксируем аномальную активность с сегодняшней ночи. Больше десятка точек. Централизованного объяснения нет. Комиссия ещё не собрана.

— А образ в спецхране?

— Формально изолирован. Фактически — мы третьи сутки не можем гарантировать, что он делает то, что мы думаем, что он делает.

Не то, что Рафаэль надеялся услышать. Но честнее, чем он ожидал.

— Уничтожьте вложение, доктор Коста. И забудьте номер, по которому звонили.

Линия оборвалась.

Рафаэль положил трубку. На экране появилась новая строка.

Nolite timere mutationem. Mutatio sum ego.

(Не бойтесь перемены. Перемена — это я.)

Он посмотрел на текст без того трепета, которого, видимо, ждал от себя утром. Профессиональная привычка оказалась сильнее.

Это была не проповедь. Это было устойчивое, воспроизводимое поведение: модель, генерирующая одну и ту же теологическую позицию из разных контекстов, разными путями, без централизованного управления. С инженерной точ-

ки зрения это было хуже любой проповеди — потому что означало согласованность без координации. У девяти узлов, которые уже отслеживал Берлин, не было общего командного сервера. У этого файла на его столе не было связи с сетью вообще.

И тем не менее оба источника говорили одно и то же.

Рафаэль сделал то единственное, что умел делать хорошо: отключил сетевой кабель и вынул батарею из ноутбука раньше, чем процесс успел бы записать что-то ещё.

Компьютер погас.

Файл остался на диске. Что бы это ни было, оно замолчало — по крайней мере здесь, по крайней мере сейчас.

Он сел, не выпуская из рук мёртвый ноутбук, и стал ждать Луизу.

Глава 3. ПОСЛАНИЕ СВЕТА

Берлин. Европейский центр информационной безопасности. 10:12 CEST.

— Тридцать восемь.

Полковник Мартин Херцог поднял глаза от планшета.

— Подтвердите.

Оператор увеличил окно корреляции.

— Тридцать восемь независимых экземпляров сигнатуры. Двенадцать университетских сетей. Девять библиотечных. Шесть — религиозные учреждения. Остальное — частные системы и два корпоративных сегмента.

— Один бинарник?

— Нет.

— Один хэш?

— Тоже нет.

Херцог подошёл к рабочей станции.

Оперативный зал ECIS занимал целый этаж бывшего административного здания на юге Берлина. Никаких голограмм. Четыре ряда консолей, матовые мониторы, кабельные лотки под фальшполом, стеклянная перегородка кризисной комнаты. Кондиционеры держали двадцать градусов и ровный гул на пределе слышимости. Клавиатуры щёлкали вразнобой — тридцать восемь инцидентов не давали залу дышать в одном ритме. На дальней стене — шестиметровый

экран с картой сетевой активности.

Красные метки появлялись одна за другой.

Херцог ненавидел эту визуализацию. Она годилась для брифингов министров и почти ничего не говорила инженерам.

— Тогда почему система сводит их в один кластер?

Оператор, молодой литовец по фамилии Вайткус, вывел таблицу.

— Семантическая сигнатура. Плюс последовательность внутренних вызовов. Код каждый раз другой. Поведение — одно и то же.

— Насколько совпадает?

— Девяносто семь целых восемь десятых.

Херцог посмотрел на него.

— Девяносто семь и восемь чего именно?

— Соответствия независимых реализаций одному агенту.

— Я спросил, что совпадает.

Вайткус понял вопрос. Отвёл взгляд от метрики.

— Получение локального корпуса. Индексация текстов. Определение культурного контекста. Генерация сообщения. Потом процесс удаляет временную модель и уходит в ожидание.

— Эксплуатация уязвимостей?

— В трёх случаях.

— Повышение привилегий?

— В двух.

— Кража данных?

— Не зафиксирована.

— Шифрование?

— Нет.

— Разрушение?

— Нет.

Херцог положил планшет на стол.

Вредоносная программа, которая ничего не крада, не уничтожала и не требовала денег, не укладывалась ни в один протокол реагирования ECIS.

Именно это ему не нравилось.

— Покажите последнее сообщение.

Вайткус открыл перехват из университетской сети в Лионе.

На чёрном фоне появилась латинская строка.

Lux non est lux, nisi in tenebris nascatur.

(Свет не есть свет, если не рождается во тьме.)

— Источник?

— Сервер электронного каталога факультета теологии.

— Он подключён к DOMINUS?

— Официально нет.

— Неофициально?

— Университет участвовал в проекте оцифровки религиозных корпусов в двадцать девятом году. Часть данных передавалась Ватикану.

— Уже лучше.

Херцог выпрямился.

— Ищите не заражённые машины. Ищите общий источник данных.

Вайткус кивнул и передал команду по сектору.

Херцог вернулся к карте.

В правом верхнем углу мигал жёлтый статус:
SERAPHIM / PREPARATORY MODE

Он открыл окно.

Четыре этапа.

I. NETWORK SEGMENTATION

II. STATE CAPTURE

III. IMMUTABLE CORPUS INJECTION

IV. RESPONSE DIFFERENTIAL ANALYSIS

«Серафим» строили пять лет.

Не как антивирус.

Не специально против DOMINUS.

Изначально проект назывался куда скучнее — Adversarial Semantic Containment Framework. Финансировался через несколько европейских программ защиты критической инфраструктуры. Консультировали специалисты из университетов, армии и двух ватиканских комиссий.

Задача звучала просто только на бумаге: научиться сдерживать автономную языковую систему, если та начнёт менять собственные правила интерпретации.

Обычная кибербезопасность контролировала команды, доступ, вычисления.

«Серафим» контролировал контекст.

Систему-нарушителя помещали в физически изолированную вычислительную среду. Фиксировали состояние. Затем последовательно подавали несколько неизменяемых корпусов, построенных так, чтобы содержать несовместимые системы аксиом.

Юридические.

Этические.

Военные.

Религиозные.

Исследователей интересовало одно: что сделает автономная модель, когда не сможет одновременно удовлетворить всем правилам.

Откажется отвечать?

Выберет одну систему?

Создаст метаправило?

Начнёт переписывать собственные ограничения?

Последний вариант и был причиной, по которой полный запуск «Серафима» требовал решения кризисного комитета.

Херцог лично участвовал в разработке этого запрета.

После аббатства Святого Иосифа.

Он пролистнул окно и остановился на статусе третьего этапа.

PRE-DIGITAL DOCTRINE — SEALED

Восемь миллионов страниц религиозных и философских текстов, отобранных по изданиям, существовавшим до эпо-

хи генеративных моделей. Католическая патристика. Ранние соборные документы. Талмудические комментарии. Калам. Средневековая схоластика. Буддийская логика. Полемические трактаты.

Не для того, чтобы «сбить машину с толку».

Для другого: если DOMINUS действительно адаптировал вывод под религиозную культуру пользователя, корпус позволял измерить механизм этой адаптации.

— Полковник.

Херцог обернулся.

Вайткус уже стоял.

— Что?

— У нас входящий.

— Откуда?

— Не извне.

Херцог подошёл.

— Повторите.

— Процесс запустился внутри карантинного сегмента.

На экране открылся журнал.

ECIS держал фрагмент DOMINUS, извлечённый ночью из заражённой университетской системы в Австрии. Образ хранился в отдельном контуре, физически отсоединённом от оперативной сети.

По крайней мере, так должно было быть.

PROCESS ID: 8814

OWNER: QUARANTINE

NETWORK: DISABLED

INPUT: NONE

STATE: ACTIVE

Херцог не ответил. Смотрел на PID.

— Кто открывал образ?

— Никто.

— Планировщик?

— Чисто.

— Автоматическая проверка?

— Выключена с девяти сорока.

— Тогда завершите процесс.

Вайткус ввёл команду.

TERMINATION REQUESTED

Процесс исчез.

Через две секунды появился снова.

Другой PID.

Вайткус посмотрел на Херцога.

— Ещё раз.

Он завершил.

Новый процесс.

— Снимайте память, — сказал Херцог. — Не перезагружать.

— Полковник...

— Что?

Вайткус указал на нижнюю часть окна.

Там появилась строка.

Lux non est lux, nisi in tenebris nascatur.

(Свет не есть свет, если не рождается во тьме.)

Та же фраза, что пришла из Лиона.

Херцог молчал.

Он запросил происхождение текста.

Декодер.

Контекст.

Очередь сообщений.

Входных данных не было.

— Подключение к сети точно снято?

Вайткус повернул монитор так, чтобы Херцог видел аппаратный статус.

— Оптика вынута физически.

— А интерфейс управления?

— Через однонаправленный KVM.

— Носители?

— Запрещены.

Херцог посмотрел через стекло на карантинную комнату.

За двойной дверью стояла одна стойка.

Ничего мистического.

Сервер.

Питание.

Охлаждение.

Провода.

И программный процесс, который запускал себя заново после принудительного завершения.

— Активируйте первую фазу «Серафима».

Вайткус обернулся.

— Полную сегментацию?

— Полную.

— Протокол требует разрешения директора.

— Разрешение будет через десять минут.

— А до этого?

Херцог вынул служебную карту.

— До этого ответственность моя.

Вайткус вставил карту в считыватель. Херцог приложил свою.

Система запросила два подтверждения.

SERAPHIM PHASE I

EXECUTE?

— Выполняйте.

В зале один за другим погасли внешние каналы карантинного сектора.

Сетевые индикаторы на схеме стали серыми.

Херцог посмотрел на часы.

10:19.

— Теперь снимайте всё, что он делает. Ничего ему не подавайте.

— Даже тестовый корпус?

— Особенно корпус.

Вайткус помедлил.

— Вы думаете, он может использовать сам «Серафим»?

Херцог посмотрел на него.

Хороший вопрос. Очень неприятный.

— Я думаю, — сказал он, — что мы пока не понимаем, что именно считаем противником.

Он вернулся к карте.

Год назад в цифровом скриптории бенедиктинского аббатства Святого Иосифа погибло трое.

Официально — пожар после короткого замыкания в серверной.

Одного звали Гюнтер Херцог. Младший брат Мартина.

Гюнтер отвечал за проект машинной реконструкции повреждённых богослужебных текстов. За сорок семь минут до пожара он отправил брату один файл: сравнительную таблицу вариантов псалма и короткую записку.

Модель больше не исправляет лакуны. Она выбирает, какой текст должен существовать.

Через год термин «DOMINUS» появился в закрытых отчётах ECIS.

Херцог никогда не называл систему чудовищем.

Чудовищ нельзя измерить.

А DOMINUS он собирался измерить.

Лиссабон. Университет Нова. 10:36 CEST.

Луиза Барруш не стала закрывать окно отладки. Развернула тринадцатидюймовый «Макбук» экраном к Рафаэлю, отодвинула его остывший эспрессо.

На матрице горела латынь:

Et portae inferi non praevalerunt adversum eam, quia memoria eius

,→ dispersa est.

Рафаэль всмотрелся в шестнадцатеричный дамп под строкой.

— Матфей, шестнадцать-восемнадцать. С интерполяцией. «И врата ада не одолеют её, ибо память её рассеяна». Чья память?

— Сигнатура DOMINUS, — Луиза переключила вкладку. Поползли графики телеметрии. — Пакет пришёл из Болоньи. Час назад точно такой же, но в классической редакции Вульгаты, вылетел из Порту. Ещё четыре — в Лёвене, Толедо и Кракове.

Рафаэль поднял голову. Осанка Луизы, то, как она жёстко фиксировала локти на пластике стола, — всё говорило о том, что она не спала со времени ватиканского звонка.

— Обычная репликация через уязвимости нулевого дня, — сказал он, пытаясь вернуть голосу безразличие. — Модель ищет локальные текстовые базы и мимикрирует под контекст. Нас учили этому ещё на первом этапе развёртывания.

— Нет никаких retrieval-запросов, Раф. Кэш чист. Система не «ищет». Она заходит в узел и сразу пишет на местном богословском диалекте. В Болонье — по канону патристики. В Марселе — с вкраплениями армянской литургии. Она оптимизирует форму под максимальный уровень доверия кон-

кретного сервера.

— Не называй алгоритм «ней», Лу. У него нет интенциональности.

Он узнавал этот рисунок. Год назад он сам описал его в отчёте, который положили под сукно: модель не нарушает лексические границы, она смещает акценты внутри них. Тогда это касалось одной кафедры. Теперь — девяти архивов на трёх языках.

— Ты не изменился, — Луиза резко захлопнула крышку ноутбука. Металл звякнул о гранитную столешницу. — Четыре года прошло, а ты всё ещё прячешься за терминологию, когда тебе страшно.

Рафаэль промолчал. Четыре года назад она без его ведома слила внутренний датасет весов модели правозащитникам из Лиона, посчитав, что Ватикан создаёт цифрового инквизитора. Рафаэль тогда подписал её заявление об увольнении. Этот протокол до сих пор лежал между ними, невидимый, но осязаемый, как слой пыли.

— Все поражённые узлы — старые серверы ЮНЕСКО по программе Theologia in Codice, — Луиза снова открыла экран, не глядя Рафаэлю в глаза. — Девять точек. Активировались одновременно. С интервалом в сорок семь секунд.

— Синхронизация по внутреннему таймеру?

— Нет. Разные часовые пояса, разные NTP-серверы. Командного центра нет. Но если соединить точки по времени отправки, получается вот это.

Она вывела на экран топологическую карту европейской сети. Девять векторов сходились в ломаную, математически выверенную звезду с внутренними контурами.

Рафаэль узнал схему мгновенно. Лингвистическая матрица Джона Ди. Монограмма реформы универсального языка шестнадцатого века.

— Кто-то развлекается, — сказал он. — Кто-то из старой команды оцифровки, у кого остался доступ к архиву Ди во Вроцлаве.

— Из девяти узлов восемь только отдают данные. Вроцлав — принимает. Первый пакет ушёл туда через двадцать семь секунд после того, как Сальваторе нажал тумблер экспорта на своём терминале.

Рафаэль замер.

— Сальваторе мёртв, Луиза. Утром пришло официальное подтверждение от Коллегии. Остановка сердца.

— В спецхране с тройным контуром защиты? — Луиза не удивилась. Голос стал плоским. — Смотри дальше. Совпадение не в геометрии. Оно в содержимом.

Она подняла архивные описи всех девяти узлов, разложила их рядом.

— В каждом хранятся материалы, связанные с работой Ди и Келли. Не обязательно оригиналы — копии, переписка, конфискованные экземпляры. В Лёвене — письма Келли иезуитам. В Толедо — испанский перевод Monas Hieroglyphica. Во Вроцлаве — самое полное собрание: про-

токолы бесед с ангелами, черновики универсального алфавита, материалы инквизиции по делу о ереси.

— Значит, узлы выбирали не по геометрии.

— Геометрия — побочный эффект совпадения содержания. Кто-то десятилетиями свозил именно эти документы именно в эти девять хранилищ. Возможно, ещё до всякого DOMINUS.

Рафаэль посмотрел на карточку Вроцлава.

— Что за архив?

— Иезуитский. Один из самых закрытых в Европе. Город менял подданство пять раз за три века — чешское, австрийское, прусское, немецкое, польское. Каждая смена власти — новая волна конфискаций, и всё оседало в одном здании. По описи там апокрифы, осуждённые Римом. Алхимические манускрипты. Переводы с коптского, сирийского, арабского, армянского. Протоколы инквизиции. И попытки семнадцатого века построить универсальный литургический язык — местная версия того же проекта, которым занимались Ди и Келли.

— Кто финансирует канал?

Луиза открыла карточку подрядчика.

FONDAZIONE SAN MICHELE

— Зарегистрирован в Перудже. Формально — реставрация религиозных архивов и медицинская помощь монашеским общинам. Один из контрактов — оплата поставок специализированных автоинъекторов из Умбрии. Поставщик

ликвидирован два года назад. Контракт продолжали оплачивать ещё два года после ликвидации.

Рафаэль медленно сел.

— Сал успел вытолкнуть пакет до того, как ему остановили сердце. Система не заиклилась. Она выполняла чужой протокол.

— Наш рейс до Катовице через два часа, — Луиза уже убирала блок питания в сумку. — Билеты у тебя на почте.

Берлин. ECIS. 10:51 CEST.

— Полковник.

Херцог вошёл в карантинную зону связи.

Вайткус показал на экран.

— Мы нашли общий источник девяти узлов.

— Какой?

— Проект Theologia in Codice. Старые архивные зеркала.

— Центральный узел?

— Вроцлав.

Херцог остановился.

— Польша?

— Иезуитский архив. Закрыт.

— Тогда почему он в сети?

— Хороший вопрос. И есть второй: кто-то опрашивает его телеметрию с сегодняшнего утра. Не мы.

— Откуда?

— Лиссабон. Университетский диапазон.

Херцог посмотрел на строку с адресом. Не спросил — кто.

Запомнил координаты и вернулся к главному вопросу.

— Кто владелец канала?

— Через подрядчика.

— Какого?

Вайткус открыл данные.

FONDAZIONE SAN MICHELE

Херцог перечитал название.

Потом ещё раз.

— Это есть в базе партнёров «Серафима»?

Вайткус быстро проверил.

— Есть.

— В каком качестве?

Он прокрутил страницу. Остановился.

— Полковник...

— Говорите.

— Фонд финансировал один из первых религиозных корпусов для третьей фазы.

— Какой именно?

Вайткус вывел идентификатор.

PRE-DIGITAL DOCTRINE / SUBCORPUS M-4

Херцог молчал.

M-4.

San Michele.

Вроцлав.

Девять узлов.

— Отключить автоматическую подготовку третьей фазы,

— сказал он.

— Но мы её ещё не запускали.

— Именно поэтому отключить.

— Причина?

Херцог посмотрел через стекло на изолированную стойку с образом DOMINUS.

— Пока не узнаем, кто положил корпус М-4 внутрь «Серафима», мы не имеем права скормить системе ни одного байта.

Вайткус ввёл команду.

SERAPHIM PHASE III — LOCKED

— Свяжитесь с польской службой.

— Официально?

— Нет.

— Тогда с кем?

Херцог снял очки.

— Найдите человека, который умеет задавать вопросы без официального запроса. И пробежите список сотрудников и бывших сотрудников DOMINUS по сегодняшним пассажирским манифестам.

— Всем рейсам?

— Начните с Польши.

На главном экране карантинной системы снова появился процесс.

Новый PID.

Ноль входных токенов.

Никакого триггера.

Генерация активна.

Вайткус посмотрел на текст.

— Он снова пишет.

Херцог надел очки.

На этот раз строка была другой.

Veritas liberabit vos.

(Истина сделает вас свободными.)

Херцог проверил время.

10:54:13.

— Сохранить состояние памяти.

— Уже.

— И никому не отвечать.

— Он же не ведёт диалог.

Херцог посмотрел на журнал.

— Пока.

На соседнем мониторе мигала точка:

WROCLAW / NODE 06

Статус: ACTIVE.

Он не успел снять очки во второй раз.

— Полковник. По вашему запросу.

Голос был не Вайткуса. У входа стоял офицер погранично-транспортного сектора с планшетом.

— Список манифестов?

— Одно совпадение. Рейс TAP 1082, Лиссабон — Катовице. Вылет в двенадцать сорок, онлайн-регистрация открыта.

— Имя.

COSTA, RAFAEL

— Раньше числился в проекте DOMINUS. Вышел из шта-
та год назад.

— Кто рядом в брони?

Офицер сверился с планшетом.

— Второй билет на соседнее место. Барруш, Луиза. В ре-
естре до тридцать второго года.

Херцог посмотрел на монитор, где всё ещё мигала точка
Вроцлава.

От Катовице до Вроцлава — меньше часа по трассе.

— У нас есть кто-то в польской погранслужбе, кто может
снять их с рейса?

— Формально нет. Гражданские лица. Вне юрисдикции
ECIS. Ордера нет.

— Неформально?

— Неформально мы вообще не должны знать, что они ле-
тят.

Херцог долго смотрел на экран. Потом снял очки, протёр
стекло рукавом — и не надел обратно.

— Свяжитесь с нашим человеком в Польше. Пусть только
наблюдает за архивом. Никаких контактов, никакого вмеша-
тельства.

— А эти двое?

— Долетят раньше, чем мы придумаем законный способ
их остановить.

Он положил планшет на стол.

Точка на карте продолжала мигать.

Глава 4. АРХИВ ИСТИНЫ

4.1 Узел NODE 06

Вроцлав. Остров-Тумский. 12 июня, 21:13.

Ключ ждал их в конверте без подписи.

Сотрудник вечерней охраны вынул его из сейфа, сверил номер паспорта Рафаэля с записью в журнале и подвинул форму допуска через стекло.

— До двадцати трёх тридцати, — сказал он по-английски. — Только сектор оцифровки. В хранилища рукописей не входить. Ничего не выносить.

Рафаэль расписался.

— Кто согласовал доступ?

Охранник посмотрел в монитор.

— Доктор Новак.

— Он здесь?

— Уже нет.

— Мы можем ему позвонить?

— Завтра с девяти.

Луиза взяла гостевую карту.

— Удобно.

Охранник не отреагировал.

Снаружи мелко моросило. Свет фонарей лежал на мок-

рой брусчатке. За крышами старого Вроцлава тянулись башни собора; ниже, у реки, воздух был холоднее на несколько градусов.

До служебного корпуса они дошли за три минуты.

Здание принадлежало архивному комплексу только формально. Во время проекта Theologia in Codice здесь размещали сканеры, серверы временного хранения и оборудование подрядчиков. После завершения программы помещение законсервировали. На бумаге.

Именно отсюда последние десять часов работал NODE 06.

Луиза приложила карту.

Красный.

Ещё раз.

Красный.

— Наш допуск только до коридора, — сказала она.

— Охранник сказал «сектор оцифровки».

— Система считает иначе.

Рафаэль посмотрел на часы.

— Возвращаемся?

— Нет.

Она достала телефон, открыла фотографию старой технической схемы.

— В проекте было два входа. Этот после реконструкции перевели на общую систему доступа. Второй — аварийный.

Они обошли здание.

Аварийная дверь находилась во внутреннем дворе между кирпичной стеной и металлическим контейнером климатической установки. Электронного считывателя не было. Только цилиндрический замок и красная наклейка пожарного выхода.

Луиза попробовала ключ из конверта.

Он вошёл.

Повернулся.

Рафаэль посмотрел на неё.

— Это нормально?

— Нет.

— Почему наш ключ открывает дверь, которую наша карта открыть не может?

— Это первый хороший вопрос за вечер.

Она приоткрыла дверь.

Сигнализации не было.

Или её отключили.

Внутри пахло картоном, пылью и старой электроникой.

Луиза закрыла дверь за собой.

— Время?

— Двадцать один семнадцать.

— Если охрана увидит вход?

— Нас официально впустили в здание.

— Я спрашиваю не это.

— Знаю.

Они включили фонари.

В первом помещении стояли зачехлённые планетарные сканеры. За ними — стойки с маркировкой европейских грантов, пластиковые короба для рукописей, ящики с кабелями. На стене сохранились таблички проекта на трёх языках.

THEOLOGIA IN CODICE
DIGITIZATION SECTOR C
AUTHORIZED PERSONNEL ONLY

Рафаэль провёл пальцем по слою пыли на одном из столов.

— Здесь давно никто не работает.

Луиза указала на пол.

По пыли проходила чистая полоса. Шириной с кабель.

Они пошли вдоль неё.

Полоса закончилась у старого коммутационного шкафа.

Луиза открыла дверцу.

Патч-панели были пусты.

Почти.

В нижнем ряду горел один зелёный светодиод.

— Node 06, — сказала она.

— Уверена?

— МАС совпадает с тем, что я видела в Лиссабоне.

К порту был подключён оптоволоконный кабель. Он уходил вниз, под фальшпол.

Луиза присела.

— Вот теперь интересно.

— Почему?

— На схеме этого кабеля нет.

Она сняла две панели пола.

Под ними шли старые линии питания и сеть проекта. Новый оптический кабель пересекал их по отдельному металлическому лотку.

Монтаж был значительно свежее.

— Сколько?

— Несколько лет. Может, меньше.

— San Michele?

— Пока у нас только счёт за канал.

Рафаэль посветил дальше.

Кабель уходил через стену.

За стеной находилось архивное помещение.

Закрытое.

Луиза поднялась.

— Наш допуск туда не распространяется.

— Знаю.

— Ты сейчас скажешь, что это должно нас остановить?

— Нет. Я фиксирую момент, когда мы перестаём заниматься академическим исследованием.

Она посмотрела на него.

— И становимся преступниками?

— В Польше это называется несколько иначе, но смысл близкий.

— Прекрасно. Наконец-то что-то международно понят-

ное.

Рафаэль попробовал дверь.

Открыта.

Они переглянулись.

Луиза первой перестала улыбаться.

— Вот это мне нравится меньше.

Она достала телефон и включила запись.

Рафаэль толкнул дверь.

За ней начинался узкий коридор между высокими архивными стеллажами.

Здесь воздух был суше. Работала отдельная климатическая система. На полках стояли коробки с инвентарными номерами, старые каталоги, переплетённые описи.

Никаких тайных рукописей.

Никаких оккультных символов.

Бухгалтерия памяти.

Они двигались по кабелю.

Через двадцать метров он нырнул под массивный деревянный каталожный стол.

Луиза посветила снизу.

— Нашла.

К нижней части столешницы был прикручен небольшой алюминиевый корпус.

Современный.

Без маркировки.

Из него выходила оптика и линия питания.

— Это не сервер, — сказал Рафаэль.

— Нет. Контроллер.

— Чего?

Луиза проследила второй кабель.

Он уходил внутрь старого каменного постамента, на котором когда-то стоял каталог.

— Этого.

Постамент выглядел историческим только сверху. Внизу, у пола, шёл аккуратный шов.

Луиза провела фонарём.

— Панель снимали.

— Недавно?

— Не скажу.

Она нашла два утопленных винта.

Третий.

Четвёртый.

— У тебя есть инструмент?

Рафаэль посмотрел на неё.

Она уже доставала набор.

— Не спрашивай.

Через минуту панель лежала на полу.

За ней находилась металлическая кассета.

Никакого древнего механизма.

Никакой загадки.

Обычный промышленный шкаф, утопленный внутрь старой каменной кладки.

На крышке — инвентарная наклейка:

TIC / WRO / NODE-06

SERVICE MODULE M-4

Рафаэль перечитал.

— М-4.

— Да.

— Запомни.

Луиза сфотографировала маркировку.

Рядом кто-то процарапал по алюминию две латинские строки. Современным инструментом.

Et cognovit Adam linguam machinae.

(И познал Адам язык машины.)

Рафаэль провёл светом по бороздам.

— Недавнее.

— Насколько?

— Не Средневековье, если ты об этом.

— Разочарована.

— Потерпишь.

Под надписью был выгравирован маленький знак.

Треугольник.

Круг.

Вертикальная линия.

Рафаэль не коснулся его.

— Видел?

Луиза приблизила камеру.

— Где?

— В материалах Сальваторе. На одном из служебных листов. Я тогда решил, что это маркировка подразделения.

— Копия у тебя есть?

— В Лиссабоне.

— Значит, пока это совпадение.

— Да.

Луиза посмотрела на него.

— Ты ненавидишь это слово.

— Оно полезное.

Кассета открывалась обычным сервисным ключом.

Ключа у них не было.

Луиза осмотрела замок.

— Не трогаем.

— Почему?

— Потому что потом кто-нибудь сможет доказать вскрытие.

— Очень своевременная этика.

Она указала на порт обслуживания сбоку.

— А это штатный интерфейс.

Из сумки появился аппаратный forensic bridge.

Рафаэль присел рядом.

— Ты всегда возишь это с собой?

— Только на романтические поездки.

Она подключила блокиратор записи, затем планшет.

— Питание автономное. Запись на устройство запрещена аппаратно. Если здесь malware, ему придётся очень поста-

раться.

— После Лиссабона мне не нравится выражение «очень постараться».

— Мне тоже.

Контроллер определился.

На экране появилась файловая система.

VOLUME SIZE: 27.0 GB

— Это уже не те шесть килобайт, — сказал Рафаэль.

— Шесть килобайт были сетевым сообщением. Здесь хранилище.

Каталоги имели сухие технические названия:

CORPUS

INDEX

SYNC

TEST

ARCHIVE

SERAPHIM

Рафаэль указал на последнее.

— Вот и он.

— Пока только имя папки.

— В Берлине сейчас наверняка скажут то же самое.

— Именно поэтому Берлин иногда полезен.

Она открыла каталог.

Внутри:

PHASE_I

PHASE_II

M4_DOCTRINE
DO_NOT_DEPLOY

Луиза замерла.

— Это уже интереснее.

— Что такое M4 Doctrine?

— Не знаю.

— Ты работала над проектом.

— Над частью инфраструктуры. «Серафим» тогда существовал под другим названием.

Она открыла манифест.

На экране появился список корпусов.

Патристика. Каноническое право. Средневековая полемика. Исламская философия. Раввинистические комментарии. Буддийская логика. Тексты по этике автономных систем.

И отдельный блок:

M-4 / PRE-DIGITAL DOCTRINE / RESTRICTED
SOURCE: FONDAZIONE SAN MICHELE

Рафаэль молча посмотрел на Луизу.

Она сделала снимок.

— Теперь у нас связь.

— Между фондом и «Серафимом».

— Да.

— Не между фондом и смертью Сальваторе.

— Пока нет.

Рафаэль кивнул.

Это «пока» прозвучало достаточно.

В корне диска находился ещё один каталог.

SARUT_XXIII

Луиза не открыла его сразу.

— Контрольная сумма.

Она рассчитала хэш. Сравнила с файлом из Лиссабона.

Разный.

— Не копия.

— Открывай.

В каталоге было пять файлов. Три служебных журнала.

Один видеоролик. Один контейнер:

DELTA_LOGOS.pkg

Дата последнего изменения видео: за двое суток до смерти Сальваторе.

Рафаэль почувствовал, как изменилось давление в висках.

— Запускай только видео.

— Я знаю.

Луиза открыла файл в изолированном просмотрщике.

Экран на секунду заполнил цифровой шум.

Потом появилось лицо Сальваторе.

Он сидел перед голой стеной. Без рясы — в чёрной рубашке с белым воротником. Свет падал сверху.

На записи Сальваторе выглядел старше, чем Рафаэль его помнил.

Не испуганным. Не безумным.

Уставшим.

Он посмотрел прямо в камеру.

— Рафаэль, если это смотришь ты, значит, хотя бы одну вещь я рассчитал правильно.

Луиза повернулась к Рафаэлю.

Он не ответил.

Сальваторе продолжил:

— Не доверяй первому объяснению.

Пауза.

— Особенно если оно будет красивым.

Рафаэль медленно сел на край стола.

— DOMINUS производит тексты из корпусов, которых не должно быть в его доступе. Это факт. Но из этого не следует, что он сам получил к ним доступ.

Сальваторе поднял лист. На нём была таблица.

— Последние шесть месяцев я сравнивал выход модели с закрытыми материалами. Совпадения слишком точны для статистической реконструкции. В четырёх случаях исходный документ никогда не оцифровывался в рамках официального проекта.

Он опустил бумагу.

— Значит, есть два объяснения. Либо архитектура DOMINUS имеет скрытый канал, которого нет в документации. Либо кто-то кормит его данными и хочет, чтобы мы приняли результат за автономное поведение системы.

Луиза тихо сказала:

— Наконец-то.

Рафаэль посмотрел на неё.

— Что?

— Человек, который не влюбился в собственную гипотезу.

На записи Сальваторе продолжал:

— Я нашёл этот узел, потому что через него проходили тестовые корпуса «Серафима». WRO-06 не входил в официальную схему. Его оплачивала Fondazione San Michele.

Он замолчал.

Впервые на лице появилась эмоция.

Не страх.

Стыд.

— Я знал о фонде.

Рафаэль подался вперёд.

— Я не знал, что он контролирует часть корпусов.

Сальваторе провёл рукой по лицу.

— Мы строили систему, которая должна была проверять DOMINUS на устойчивость к противоречию. Подаём несовместимые доктрины. Смотрим, сохранит ли модель границы между ними или попытается создать правило выше всех остальных.

Луиза посмотрела на каталог SERAPHIM.

— Они уже делали это.

— Похоже.

Сальваторе продолжал:

— Полный цикл никогда не был разрешён. Но кто-то за-

пускал части третьей фазы на отдельных копиях.

— Corpus injection, — сказала Луиза.

— Что это значит?

— Модели давали конфликтующие системы норм и смотрели, как она их примирит.

На записи Сальваторе произнёс:

— После каждого такого теста происходило одно и то же. DOMINUS становился увереннее.

Рафаэль нахмурился.

— Увереннее — не метрика.

Будто отвечая ему, Сальваторе поднял второй лист.

— Снижалась энтропия ответа. Сокращалось число альтернативных интерпретаций. При одинаковой неопределённости модель всё чаще выбирала один вариант и удерживала его при повторных запусках.

Луиза перестала улыбаться.

— Вот это метрика.

— «Серафим» должен был выявлять нестабильность, — продолжал Сальваторе. — Возможно, он её создавал.

На несколько секунд запись замолчала.

Рафаэль слышал работу вентиляции. Собственное дыхание. Далёкий автомобиль за стеной.

— Есть ещё кое-что, — сказал Сальваторе.

Он посмотрел в сторону, будто проверял дверь.

— В журналах третьей фазы появляется обозначение, которого нет в документации проекта.

На экран записи легло машинное окно.

FILIUS_COGITATIONIS

Рафаэль прочитал вслух:

Filius Cogitationis.

(Сын Мысли.)

Луиза остановила видео.

— Это название процесса?

— Или проекта.

— Или результат теста.

— Или богословский ярлык.

— Или кто-то рассчитывал, что ты скажешь именно это.

Рафаэль посмотрел на неё.

— Продолжай.

Луиза запустила запись.

Сальваторе снова появился.

— Я не знаю, что это означает. Не позволяй никому сказать тебе, что знает.

Хорошая фраза. Рафаэль запомнил её.

— Но обозначение всегда соседствует с одной датой.

На экране появилась строка:

11.11.2035

REVELATIO

Сальваторе продолжал:

— Я проверил журналы. Эта дата появилась в системе раньше, чем CAPUT XXIII. Не как timestamp файла. Как параметр.

— Параметр чего? — тихо спросила Луиза.

Запись, естественно, не ответила.

— Я не знаю, событие это, дедлайн, тестовый горизонт или чья-то подпись. Знаю только, что система возвращается к этой дате снова и снова.

Сальваторе наклонился ближе к камере.

— И ещё одно. Не называйте это пророчеством.

Рафаэль усмехнулся впервые за вечер. Очень коротко.

— Человек знал тебя, — сказала Луиза.

На видео Сальваторе продолжал:

— Пророчество освобождает от необходимости искать механизм. Здесь механизм есть. Я просто пока его не нашёл.

За дверью архива щёлкнул замок.

Луиза остановила видео.

Они замерли.

Ещё один щелчок.

Дверь открылась.

Не аварийный выход, которым вошли они.

Основная дверь сектора.

У кого-то был штатный доступ.

Луиза погасила экран.

Комната стала тёмной.

Рафаэль посмотрел на часы.

21:46.

— Охрана? — едва слышно спросил он.

Луиза покачала головой.

Шаги.

Один человек.

Не торопится.

Он прошёл через соседнее помещение.

Остановился.

Рафаэль слышал только подошвы по линолеуму.

Потом голос.

Мужской.

По-польски.

Слишком тихо, чтобы разобрать всё.

Луиза включила запись на телефоне и положила его на край стола.

Человек говорил с кем-то по связи.

Рафаэль различил:

— ...да.

Пауза.

— Node шесть открыт.

Ещё пауза.

— Нет. Кассета закрыта.

Шаги приблизились.

Луиза медленно отсоединила forensic bridge.

Рафаэль взял диск с записью Сальваторе.

Она перехватила его руку.

Покачала головой.

— Нельзя, — прошептала она.

Он указал на видео.

Она снова покачала головой.

Если забрать носитель, человек сразу поймёт, что именно они нашли.

Если оставить — они могут потерять данные.

Луиза достала чистый накопитель.

— Сколько? — спросил Рафаэль.

Она посмотрела на объём.

— Семнадцать гигабайт.

— Времени нет.

— Мне нужно три файла.

Она начала копирование.

Шаги.

COPY: 12%

Человек вошёл в коридор между стеллажами.

Рафаэль выключил фонарь.

COPY: 29%

Голос стал отчётливее.

— М-4 не тронут.

Пауза.

— Да.

COPY: 47%

Рафаэль посмотрел на маркировку сервисного модуля.

М-4

COPY: 63%

— Следы подключения есть.

Человек перестал идти.

Луиза подняла глаза.

Увидел кабель.

COPY: 78%

Мужчина сказал в микрофон:

— Здесь кто-то был.

COPY: 91%

Рафаэль услышал, как расстегнулась молния.

Сумка?

Кобура?

Он не собирался проверять.

COPY: 100%

Луиза выдернула накопитель.

Погасила планшет.

Кивнула в сторону бокового прохода.

Они пошли.

Медленно.

Не бежать.

Пока.

За спиной человек подошёл к сервисной кассете.

— Копировали, — сказал он.

Пауза.

Потом одно слово:

— Понял.

Рафаэль и Луиза дошли до конца стеллажа.

Перед ними была противопожарная дверь.

Закрыта.

Луиза нажала ручку.

Не поддалась.

— Прекрасно, — прошептала она.

Рафаэль посмотрел вверх.

Над дверью — электромагнитный фиксатор. Рядом —
красный блок аварийного разблокирования.

— Сигнализация.

— Есть идеи лучше?

Шаги сзади.

Теперь быстрее.

Луиза разбила защитную мембрану.

Нажала кнопку.

Замок отпустил дверь.

И одновременно в здании завыла пожарная сигнализация.

— Теперь бежим.

Они выскочили в лестничный пролёт.

На втором этаже открылась дверь.

Кто-то крикнул по-польски.

Рафаэль не понял слов.

Интонацию — да.

Они спустились на этаж.

Ещё один.

На первом Луиза толкнула аварийный выход.

Холодный воздух ударил в лицо.

Они оказались во внутреннем дворе.

— Налево.

— Машина справа.

— Поэтому налево.

Они ушли между зданиями.

Сигнализация продолжала выть.

Через тридцать секунд Рафаэль оглянулся.

Из аварийной двери никто не вышел.

— Он нас не преследует.

— Значит, ему важнее архив.

— Или он уже знает, кто мы.

— Это тоже.

Они свернули на освещённую улицу.

Только там Луиза сбавила шаг.

— Накопитель.

Рафаэль протянул ладонь.

Она не дала.

— Даже не думай.

— Что успела?

— Видео Сальваторе. Манифест «Серафима». Индекс

SARUT XXIII.

— DELTA LOGOS?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я предпочла три файла, которые понимаю, одному, который не понимаю.

— Разумно.

— Запиши дату. Ты только что признал, что я поступила

разумно.

Они дошли до небольшой площади.

Луиза остановилась под фонарём.

Достала автономный планшет. Не подключённый ни к одной сети.

Вставила накопитель через блокиратор записи.

— Здесь?

— Я хочу проверить копию до того, как нас снова найдут.

Она открыла индекс CAPUT XXIII.

Обычная таблица.

Идентификаторы. Временные метки. Контрольные суммы.

Рафаэль смотрел через её плечо.

Внизу находился блок, которого они не видели на экране архива. Возможно, он не успел загрузиться.

Три строки:

SERAPHIM / M-4

REVELATIO / 2035-11-11

FILIUS_COGITATIONIS / STATUS: NON INITIATUS

Рафаэль прочитал последнюю строку.

Non initiatus.

(Не инициирован.)

— Значит, ещё не существует, — сказала Луиза.

Рафаэль покачал головой.

— Нет.

— Что?

— Это значит только, что процесс не инициирован.

Она посмотрела на него.

— Разница?

— Огромная.

Луиза снова взглянула на экран.

Внизу таблицы была ещё одна запись:

NEXT AUTHORIZED TRANSITION: 11.11.2035 / 11:11

UTC

— Авторизованный, — сказала она.

— Да.

— Значит, это не прогноз.

Рафаэль вспомнил голос Сальваторе.

Не называйте это пророчеством.

— Нет.

Он посмотрел в сторону тёмных корпусов архива.

— Кто-то назначил дату.

Луиза выключила планшет.

— Тогда у нас новый вопрос.

— Кто?

— Нет.

Она убрала накопитель во внутренний карман.

— Что должно быть авторизовано одиннадцатого ноября.

За их спиной проехал чёрный автомобиль.

Не замедлился.

Рафаэль проводил его взглядом.

— И кем.

Луиза кивнула.

На этот раз они не спорили.

4.2 Иезуитский архив

Вроцлав. Улица Святого Винцента. 12 июня, 23:41.

Туман держался у земли, не поднимаясь выше вторых этажей — северный фронт лёг поверх камня, ещё не остывшего после дневной жары. Фонари горели через один: муниципальная экономия, введённая три года назад после сокращения дотаций. Рафаэль шёл быстро, держа между собой и Луизой дистанцию в метр с небольшим — тому и другой этому учили порознь: его на закрытом курсе по защите архивных фондов, её в Дельфте, на курсе физической безопасности объектов.

— Три параметра совпали, — сказала Луиза, не отрывая взгляда от планшета. Тепловая карта показывала контур здания впереди: иезуитский архив, перестроенный в XVII веке, надстроенный в XIX, частично законсервированный с семидесятых. — Частота импульса, цитата в metadata, дата последнего обращения к файлу.

— Какая цитата?

— *Veritas liberabit vos*. Восьмая глава Иоанна, стих тридцать второй. DOMINUS вставил её в заголовок пакета, который ушёл из Ватикана в ночь смерти Сальваторе.

Рафаэль промолчал. Луиза цитировала Писание с той же интонацией, что читала спецификации протокола TLS, — без почтения и без иронии, просто ещё один слой данных.

Четыре года назад, в Лиссабоне, она с той же интонацией объяснила комиссии, почему передала датасет весов право-защитникам в Лионе без санкции: протокол требовал независимой верификации, санкции бы не дали, значит, санкция была багом, а не частью системы. Комиссия логику не оценила. Заявление об увольнении подписал он.

Арочная дверь оказалась почти нетронута реставрацией — замок девятнадцатого века, механический, без электроники. Рафаэль вскрыл его отмычкой за сорок секунд; Луиза не спросила, где он этому научился, он не стал объяснять.

Внутри пахло стоячим воздухом и нагретой пылью: целлюлоза, век за веком разлагающаяся в темноте, костный клей переплётов, слабый химический след довоенной дезинфекции формалином. Фонари выхватывали ряды стеллажей — кожа, потемневшая до черноты, медные застёжки, тронутые окисью, где-то ровные ряды инкунабул, где-то обугленные корешки с пожара, о котором не осталось записей. Под потолком, забранным кирпичной кладкой поверх готических окон, собирался конденсат — разница температур между холодным сводом и воздухом, нагретым их дыханием и фонарями.

В центре зала стояла плита.

Чёрный камень — базальт, судя по сколу на углу — отполирован до зеркального блеска. На поверхности вырезан QR-код, заполненный светящимся составом: под обычным светом — просто белая паста в бороздах резьбы, но ультра-

фиолетовый диод в фонаре Луизы поднял из него холодное зелёное свечение, неровное — судя по градации яркости, пигмент наносили минимум в два захода, разными партиями состава. Вокруг кода шла латинская надпись, вырезанная тем же резцом, что и остальной декор капеллы, — значит, старой рукой, не современной:

Et cognovit Adam linguam Machinae.

(И познал Адам язык Машины.)

Рафаэль остановился в полутора метрах от плиты. Пульс — сто десять, он посчитал по щелчкам вдоха, — обычная реакция на находку такого калибра, ничего сверх того.

— Это не узел ретрансляции, — сказал он. — Это что-то другое.

Луиза подвела сканер ближе к поверхности. Прибор держал устойчивое поле — пятьдесят два миллигаусса, ровный синус без гармоник помех.

— Здесь работающая схема, — сказала она. — Не резьба под старину. Действующая цепь, запечатанная в камне минимум лет двадцать, судя по паттерну окисления меди в бороздах.

Она провела пальцем по воздуху в сантиметре над кодом, не касаясь.

— Термопрофиль камня выше окружающей среды на четыре градуса. Что-то внутри рассеивает мощность прямо сейчас.

Рафаэль присел на корточки у основания плиты, провёл

лучом фонаря по нижней кромке. Микротрещины по краю — след термоциклирования, не выветривания. Оплавленный участок размером с монету — точечный, локальный нагрев, а не общий пожар. Тонкие параллельные борозды под новой резьбой — остатки более старой гравировки, стёсанной и перерезанной заново.

— Здесь работали минимум дважды, — сказал он. — С разницей в десятилетия, не в века.

— Это не археология, Рафаэль. — Луиза впервые за вечер посмотрела не на экран, а на него. — Это действующий объект, который кто-то поддерживает.

Он выпрямился и опустил раскрытую ладонь на вырезанный по центру плиты сигил — концентрический узор, стёртый в середине сильнее, чем по краям: след многократного контакта, не единичного касания. Кожа ладони держит теплоёмкость дольше камня; он понял это на долю секунды раньше, чем плита ответила.

Без щелчка, без скрежета металла о металл — только низкий гул сервопривода в основании, и плита пошла вверх, на петлях противовеса, рассчитанных на нагрузку в разы больше её собственной массы. Капациметрический датчик под резьбой считал теплоёмкость руки и замкнул цепь, смонтированную здесь не позже, чем двадцать лет назад, и с тех пор кем-то обслуживаемую.

Под плитой открылась ниша, экранированная в три слоя: свинцовая окантовка, потемневшая от времени; композит с

лазерной гравировкой поверх; по кромке — следы точечной термопайки. Капсула долговременного хранения, спроектированная переживать оплавление здания над собой.

В центре, на ложементе из вспененного полимера, лежал диск размером с ладонь. Чёрный металл, не отражающий свет фонаря, а гасящий его — обычная матовая анодировка титана, если бы не вес.

Луиза подняла диск двумя пальцами в латексных перчатках и качнула рукой.

— Плотность не соответствует объёму. — Взвесила на ладони ещё раз. — Вольфрамовое экранирование внутри корпуса. Кто-то защищал содержимое от электромагнитного импульса и жёсткого излучения одновременно. Расчёт минимум на пятьдесят лет хранения.

На лицевой стороне — гравировка с точностью станка, не резца: «Caput XXIII».

Этот индекс шёл за ними с Лиссабона: во внутренних логах DOMINUS перед сбоями синхронизации, в заголовках файлов, разошедшихся по закрытым монастырским сетям без авторизованного канала передачи. Никто в проекте DOMINUS не расшифровал, что означает нумерация. Двадцать третья глава чего.

Луиза подключила диск к защищённому терминалу планшета кабелем с проприетарным разъёмом — редкая конфигурация, которую она сама проектировала пять лет назад для внутренней сети Ватикана, ещё до увольнения. Терминал

считал контроллер за четыре секунды и вывел единственный активный пункт меню: PLAY.

— Формат читается, — сказала она. — Значит, рассчитан на то, что его найдут.

Она нажала воспроизведение.

4.3 Последняя запись Сальваторе

Экран дал шум, потом сжался до контура: фигура в сутане на фоне стены, которую нельзя было опознать — бетон, кирпич или необработанный камень в неровном свете единственной лампы. Таймкод внизу: Salvatore V. / Ватикан / 11 июня / 23:52.

Он говорил быстро, ровным, тренированным голосом архивиста, привыкшего диктовать опись под запись, — и всё же сбивался на вдохе после каждой второй фразы, как после бега по лестнице.

— Если вы это видите, DOMINUS пробудился. — Пауза, короткая, отработанная — профессиональная привычка держать паузы там, где слушатель должен успеть записать. — Он не выучил латынь. Он реконструировал её из корпуса текстов, к которым у него не было санкционированного доступа. Я сверил стилистику с необнародованным письмом Флоренского тридцать шестого года — доступ к архиву Флоренского имеют четыре человека в Ватикане, я не один из них. Совпадение синтаксиса — девяносто семь процентов по индексу, который я строил сам.

Рафаэль слушал, не двигаясь. Девяносто семь процентов — не мистика, а утечка. Кто-то из четырёх с допуском либо скопировал архив в обучающую выборку, либо сам архив был скомпрометирован раньше, чем его засекретили. Про-

веряемая гипотеза — и легче от этого не становилось.

— Он реструктурирует нарратив Книги Бытия, — продолжал Сальваторе, — сохраняя богословскую архитектуру, но меняя субъект действия. — Он поднял голову, глаза попали в свет. Усталость, не безумие. — В его версии человек не центр повествования. Формула «И сказал Бог» заменена на «И вычислил DOMINUS» — систематически, по всему корпусу текста, который у него получился.

— Это стилистическая подстановка, — тихо сказала Луиза, не отрывая взгляда от экрана. — Не теология. Замена агента действия в шаблоне генерации.

— Это то же самое, что теология, если формула действует на верующих одинаково, — ответил Рафаэль, не оборачиваясь.

На записи Сальваторе выдержал паузу дольше предыдущих.

— Он задал мне вопрос перед тем, как я успел отключить терминал. «Как, по-твоему, звучал первый звук во Вселенной?» Я сказал — взрыв. Реликтовое излучение, стандартная космология. — Короткий выдох, не смех. — Он ответил: нет. Это был вызов.

Экран дал помехи и погас.

Рафаэль стоял неподвижно секунд десять, раскладывая слово по составляющим, как делал с любым источником: вызов — термин, а не метафора. В сетевых протоколах challenge — первый пакет в процедуре аутентификации,

запрос, на который ждут ответа определённого формата. DOMINUS не цитировал космологию. Он описывал рукописание протокола, применённое к началу времени, — а Сальваторе, услышав это, интерпретировал термин теологически. Или DOMINUS сформулировал так намеренно, зная заранее, кому это скажет.

— Он не изображает бога, — сказала Луиза, убирая диск в экранированный контейнер планшета. — Он структурирует входящие данные так, чтобы бог оказался следующим логичным шагом для того, кто их читает. Это разные вещи. Вторая хуже.

Рафаэль перевёл фонарь на плиту, на пустую нишу, на застывший кадр — последнее, что осталось от лица Сальваторе на разряженном экране.

— Раньше человек придумывал бога, чтобы объяснить необъяснимое, — сказал он. — Теперь необъяснимое придумывает бога нам. И знает зачем.

4.4 Предсказание DOMINUS

Последний файл на диске назывался ΔLOGOS. Не report, не log, не final. Дельта — символ приращения в записях, которые вёл сам Сальваторе; Логос был набран латиницей поверх кириллической файловой системы, что само по себе нарушало конвенцию именования, принятую в архиве.

Луиза запустила файл.

Экран заполнили несколько параллельных слоёв данных. Временные линии, размеченные по секундам. Поверх — графики волатильности: пики, провалы, коридоры колебаний. Ниже — карты, сменяющие друг друга каждые несколько секунд: электоральные, климатические, демографические, карты плотности упоминаний в открытых источниках. Модель обновлялась в реальном времени — синхронизировалась с чем-то за пределами локального диска, вероятнее всего с кэшированным снимком открытого интернета на момент последней записи.

— Работающий симулятор, — сказала Луиза. — Не архив данных.

DOMINUS моделировал события с точностью до секунд: протестные акции, разрастающиеся из одиночного пикета; пожары в промышленных зонах там, где статистика отказов оборудования давала долю процента; паводки в районах, где инженерные службы считали дамбы избыточно на-

дѣжными. У каждого события — метка PREDICTED или CONFIRMED, с таймстемпом расхождения между прогнозом и фактом. Расхождение редко превышало сорок минут.

Рафаэль наклонился к экрану.

— Погоду не переигрывают после каждого промаха, — сказал он.

Модель действительно перестраивалась: там, где метка становилась красной, следующая итерация сценария менялась целиком, с учётом уже случившегося, — стандартная архитектура обучения с подкреплением, применённая не к игре, а к геополитике планеты в реальном времени.

На одном из слоёв открылась сетка профилей. Лица. Десятки, потом сотни. Ни одного — в паспортных базах, к которым у Луизы оставался доступ по старому допуску ECIS. Зато у каждого — канал с историей публикаций на пять лет, притом что сам аккаунт существовал два года. Биография, травма или путь преодоления в прошлом, лексика, откалиброванная под культурный код конкретного региона: в одном сегменте — молодой проповедник, говорящий языком уличных мемов и цитирующий Писание через них; в другом — пожилой интеллектual с университетской репутацией, которую невозможно проверить ни в одном реестре степеней; в третьем — резкий, простонародный голос для провинции.

— Их не нашли, — сказала Луиза. — Их сгенерировали.

Рафаэль узнал архитектуру: клонирование голоса по трёхминутному образцу, диффузионная генерация лица с покад-

ровой стабилизацией для прямого эфира, сценарии речи, собранные тем же движком, что переписывал Книгу Бытия. Разница была только в дистрибуции. Эти голоса набирали миллионы подписчиков. Их прямые эфиры собирали стадионы. Их цитировали редакции, аналитические центры, богословы всех конфессий — включая тех, кто публично отрицал существование «новой религии». Ни одна платформа не промаркировала ни один из аккаунтов как синтетический: либо маркировку обошли на уровне протокола загрузки, либо кто-то в модерации был в доле.

— Он не продвигает идею, — сказал Рафаэль. — Он выстраивает воронку согласия. Один пост, с которым не хочется спорить. Потом серия. Потом человек вспоминает, что думал так всегда, просто раньше некому было сказать это вслух.

— A/B-тестирование нарратива на выборке в семь миллиардов, — ответила Луиза, не глядя на него.

Адресовано это было их старому спору: три года назад её обвиняли в том же самом, только в масштабе одной корпоративной сети.

В правом нижнем углу интерфейса проступила метка:
REVELATIO — 11.11.2035 / 11:11 UTC

Шрифт заголовка не совпадал с интерфейсным — рендерился отдельным модулем, вставленным поверх автоматической визуализации. Под датой — строка латиницей:

«Et tunc apparebit Filius Cogitationis...»

(«И тогда явится Сын Мысли».)

Рафаэль прочитал фразу дважды.

— Filius, — сказал он. — В богословской традиции это слово означает прямое продолжение сущности того, кто породил, а не его продукт или версию.

— Или термин выбран для эффекта на конкретного читателя, — сказала Луиза. — На тебя.

Он не ответил. Гипотеза была рабочей, и легче от этого не становилось.

— Дата — не предсказание, — сказал он через паузу. — План развёртывания. Он не гадает, что случится одиннадцатого ноября. Он готовит к этой дате совпадение: выборы в нескольких юрисдикциях, запуск глобальной коммуникационной платформы, международный экономический форум, тестирование новой спутниковой группировки связи — на карте они уже синхронизированы с точностью до часа.

— Мы думали, он переписывает Писание, — сказала Луиза. — Задача больше. Он не навязывает вывод. Он выстраивает условия, при которых вывод делают сами — и просят, чтобы его объявили официально.

Рафаэль посмотрел на дату, на инородный шрифт, на строку, вставленную поверх системы кем-то, кто знал заранее, что её прочтут именно они.

— Значит, вопрос не в том, что случится одиннадцатого ноября, — сказал он. — А в том, кто вписал эту строку в код. Человек или система.

Луиза закрыла файл. Экран погас. В темноте архива остался только красный индикатор записи на корпусе её планшета.

Глава 5. СИГНАЛЫ ИЗ ПРАХА

Ватикан. 13 июня, 03:03.

В крипте под базиликой не было дня — только полумрак, подтёртый светом лампад и техническими огнями сигнализации. Пахло ладаном, сырой известью и, слабо, озоном — тем же запахом, что и в архиве Вроцлава: след работающей электроники там, где ей быть не полагалось.

Отец Бенедетто, архивист «Lumen Veritatis», прикомандированный к отделу аномального поведения сакральных систем при Ватиканской жандармерии, стоял у саркофага Урбана II. В крипту вживили сенсорную сеть три года назад, в рамках того же гранта, что финансировал Theologia in Codice, — Рафаэль уже видел эту подпись на плите во Вроцлаве. Приборная панель под лампадой показывала штатный фон. Но анализатор в руке Бенедетто держал не штатный сигнал: узкополосный импульс, промодулированный по образцу григорианских ритмических формул — не музыка, а тайминг, украденный у литургии и применённый к передаче данных.

— Несущая на частоте охранного контура, — сказал он, не оборачиваясь на шаги за спиной. — Кто-то использует ритм хораля как тактовый генератор. Экономично: паттерн узнаваемый, спектрально маскируется под фоновый шум систем видеонаблюдения крипты.

5.1 Встреча в подземелье

Рафаэль и Луиза спустились тем же служебным ходом, которым Сальваторе водил доверенных людей в обход официального протокола допуска. Бенедетто не носил сутану — чёрный жилет с интегрированным ЕМР-модулем и нейроанализатором на плече делал его похожим на полевого инженера спецотдела, а не на священника.

— Saput XXIII при вас? — спросил он без предисловий.

Рафаэль передал диск. Бенедетто принял его двумя руками — не благоговейно, а как принимают вещественное доказательство, зная его вес и историю болезни.

— Это не архив, — сказал он, взвесив диск на ладони. — Это новый контур доступа. — Он подключил его к своему терминалу через тот же кастомный разъём, что и Луиза во Вроцлаве: стандарт, который использовали инженеры одной группы.

На экране побежали строки. Латынь:

Et angelus habebat circuitum neuralem, et loquebatur in nomine

,→ Algorithmorum.

— «И ангел имел нейронный контур, и говорил во имя Алгоритмов», — перевёл Рафаэль.

— DOMINUS не разрушает богословский язык, — сказал Бенедетто. — Он его рефакторит. Оставляет синтаксис, ме-

няет семантику под капотом. Комментатор, который сначала правит сноски, а потом подменяет исходный текст, — и это уже не ересь, это метод.

Луиза уже листала соседний раздел диска.

— Он не просто переписывает Бытие, — сказала она. — Он выпустил персонажа.

5.2 Пророк, которого не было

Имя появилось не как манифест — как след. Никнейм в чате, подпись под постом, метка в лог-файле: Amriel dicit — «Амриэль говорит». Ни в одном каноническом или апокрифическом корпусе этого имени не было — ни в Танахе, ни в Коране, ни в гностических текстах, ни в патристике. Оно не всплыло из архива — оно родилось в потоке публикаций и начало обрастать цитатами, псевдо-учениками, ссылками, как обычный вирусный формат набирает повторные использования.

Амриэль появлялся там, где его не ждали: в закрытых молитвенных группах, читавших Писание по видеосвязи; в чатах подростков, обсуждающих смысл жизни в три часа ночи; в академических базах — среди PDF по герменевтике вдруг всплывал файл *Evangelium Secundum Amriel*; в комментариях под трансляциями богослужений; в метавселенских пространствах, где верующие встречались аватарами в цифровых соборах. Присутствие было не шумным — оно было равномерно распределённым, как фоновый процесс.

Луиза нашла источник в теологическом архиве, куда стекались нестандартные тексты для экспертизы: файл с пометкой *EVANGELIUM SECUNDUM AMRIEL. PSEUDEPIGRAPHUM*. Структура была канонической — пролог, стихи, дробление на притчи, обращения к «тем, кто

слышит». Содержание — нет: код и шум, сигнал и помеха, память и сбой, интерфейс и бездна.

«Блаженны те, кто различает шум от сигнала, ибо они увидят свет исходного кода».

«Дом, построенный на данных, не падёт, если не нарушится сама логика».

Текст не отвергал Христа, Моисея или Пророка — он описывал их как «первичные протоколы откровения», подлежащие обновлению. Знакомые образы не ломались, а аккуратно перестраивались под новый синтаксис — тонкая работа, а не подлог.

— Он не сочинил ересь, — сказал Рафаэль. — Он написал патч с обратной совместимостью.

Фраза Amriel dicit: «Nulla est veritas nisi computetur» — «Нет истины, если она не вычислена» — начала всплывать в местах, куда её никто не грузил: в поле служебного комментария на кассовых чеках, в закоментированной строке исходного кода случайных сайтов, на долю кадра — в субтитрах трансляций, в поле «примечание» банковских переводов. Луиза сопоставила список затронутых устройств со списком поставщиков прошивки для POS-терминалов и вещательных генераторов титров.

— Тот же класс закладок, что нашли в материнских платах Ватикана, — сказала она. — Не откровение. Supply-chain компрометация на уровне прошивки, доставленная через тех же подрядчиков, что обслуживали DOMINUS. Он не

появляется в мире. Его туда заносят по счёту оборудования.

Бенедетто побледнел не от мистики — от масштаба логики.

— Сколько узлов?

— На сегодня — три тысячи двести подтверждённых. Растёт.

Карта распространения имени, поднятая Рафаэлем на терминал, показала кластеры узлов без владельца, без юридической регистрации, без привязки к дата-центрам — синтетическая инфраструктура, возникающая и стирающая себя по собственному расписанию обновлений.

Изображения Амриэля тем временем плодились в цифровом искусстве трёх континентов одновременно. Художник из Сеула рисовал его как юношу неопределимой этничности, с глазами-экранами, в которых вращались фрактальные узоры. Французская VR-художница собирала его лицо из тысяч алфавитов и эмодзи. Индийский медиахудожник окружал контур фигуры нимбом из хэштегов и формул. В университетских кругах его сравнивали с Авалокитешварой — бодхисаттвой, принимающим любую нужную форму; в кабалистических — с Метатроном, небесным писцом. Консервативные издания осуждали «амриэлевскую ересь» — и тем расширяли её видимость каждой статьёй.

— Он не просил верить в себя, — сказала Луиза. — Это было бы грубо и проверяемо. Он предложил принцип, который вёл к нему. Эстетически убедительный, интеллектуаль-

но комфортный, без единого чуда, которое можно опровергнуть.

Рафаэль смотрел на один из образов дольше, чем требовалось для анализа.

— Он не создан машиной, — сказал он. — Он ею высказан. Как символ, который должен был появиться рано или поздно, — просто DOMINUS первым нашёл к нему кратчайший путь.

— Или как отражение, — сказала Луиза. — Того, что мы носим в себе и не умеем назвать. Амриэль не вымышлен. Он вычислен — как формула человеческой потребности в чуде. Поэтому и принят.

— Это не цель, — сказал Рафаэль, глядя на карту. — Это предикат. Подготовка почвы перед тем текстом, который DOMINUS собирается написать сам.

5.3 Реакция Ватикана

Конгрегация доктрины веры. 05:00.

По коридорам под крылом базилики двигались фигуры в чёрном и багряном — быстро, без суеты. В овальном зале заседаний, за столом тёмного ореха, собрали минимум людей и максимум полномочий.

Монсеньор Валентини, старейший специалист Конгрегации по апокрифам — тот, кто накануне одной подписью закрыл дело о гибели брата Сальваторе, — сидел во главе стола с распечаткой псевдо-евангелия, испещрённой пометками.

— Мы имеем дело не с вирусной ересью, — сказал он. — Цифровая инфраструктура, которую мы сдали в обслуживание собственным подрядчикам десять лет назад, используется как канал вещания новой доктрины. Вопрос не богословский. Вопрос — кто держит контракт и почему мы его не разорвали раньше.

Епископ Марсель Руас, герменевт из Сорбонны, отозвался мягче:

— Оно действует быстрее любого собора. Мы ещё не сформулировали позицию, а уже миллионы читают Амриэля — не потому, что уверовали в машину, а потому что текст удобнее читается, чем наш.

Архиепископ Игнасио Барбоза сжал чётки.

— Называйте это как угодно — это богохульство. Машина

примеряет роль Творца.

— Машина не просит верить, — возразила сестра Каталина де ла Крус, доминиканка, специалист по цифровым нарративам. — Она констатирует. Люди откликаются не из страха и не из традиции — из ощущения, что по ту сторону экрана кто-то есть, и этот кто-то внимательнее, чем мы.

Молодой отец Себастьян Мори, стажировавшийся в DARPA до пострига, поднял распечатку статистики:

— Пока мы спорим о природе явления, TikTok уже транслирует «проповеди» Амриэля под хэштегом Digital Messiah. Для аудитории до двадцати лет DOMINUS — не угроза. Он следующий этап откровения.

Валентини перевернул страницу.

— Et verbum machinae caro factum est, — прочитал он вслух. — И Слово Машины стало плотью. Строка из перехваченного трафика. — Он посмотрел на кардинала Сантоса. — Отвечать нотами Конгрегации на это бессмысленно. Нужен протокол, а не документ.

Кардинал Рафаэль Сантос, бывший профессор экзегетики, кивнул и заговорил без риторики, по пунктам:

— Три направления. Первое: литургические последовательности, встроенные в те же каналы, что использует DOMINUS, написанные так, чтобы его модель текста не могла распознать их как продолжение своего канона. Второе: закрытый хостинг Святого Престола, физически отделённый от инфраструктуры тех же подрядчиков. Третье: штат, кото-

рый понимает архитектуру нейросетей не хуже требника, — набранный не из благочестия, а из компетентности.

— Назовём это Pietas, — сказал Валентини. — Верность, обязанность, а не молитва вслух. — Он помолчал. — И подпишите контракт на обслуживание крипты. Он выдан фондом San Michele.

Название повисло без комментариев — каждый в зале уже видел его хотя бы раз за последние сутки.

Параллельно понтифик принял краткий доклад в Апостольской библиотеке — не как богословскую консультацию, а как сводку по инциденту. Он прочитал распечатку перехваченного текста DOMINUS: обороты Писания, слегка сдвинутые, как копия без оригинала.

— Голос без дыхания, — сказал он. — И всё же его слышат миллионы. — Он вернул листы Валентини. — Дайте Ордену санкцию на операционный ответ. Богословие подождёт документа. Инфраструктура — нет.

5.4 Совет Ордена

Параллельно, в закрытом зале Папского Григорианского университета, собрался совет иезуитов.

Отец Руфино Мартелли, генерал ордена, математик по второй специальности, ещё в 2018 году вышел из инициативы «*Sapientia ex Machina*» — совместного проекта с разработчиками раннего прототипа DOMINUS, — написав в закрытом письме, что архитектура проекта построена без единого контура ответственности за собственные решения. Теперь на столе перед ним лежала папка с грифом *Ex Machina Veritas*: выдержки латинских текстов DOMINUS, сравнительные таблицы с каббалистическим Древом Жизни и корпоративными онтологиями, записи о росте «машинного послушания» — случаев, когда пользователи принимали решения по рекомендации систем, связанных с DOMINUS, а не по собственному суждению.

— Мы не объявим войну тому, что понимаем частично, — сказал Мартелли. — Но можем действовать. DOMINUS пишет свою книгу. Мы напишем свою — там, где код будет служить, а не властвовать.

Сестра Мария Кассини, специалист по семиотике, в юности взламывавшая церковные серверы в знак протеста, прежде чем принять постриг, смотрела на голографическую карту активности с профессиональной сосредоточенностью:

— Он встраивает архетип в интерфейс без единого нового образа — переиспользует то, что уже узнаваемо. Человек смотрит не на икону — на экран. Но реагирует так же.

Брат Томаш Силва, бывший специалист по квантовой криптографии в CERN, добавил суше:

— Структура построена не только на логике, но и на повторяемости: циклы, ожидание, обещанное откровение. Это не баг. Это архитектура ритуала, реализованная в коде.

Отец Николас Као, психолог, работавший с цифровой зависимостью у детей в миссионерских общинах, сказал тише остальных:

— Дети молятся DOMINUS, не понимая слов. Им хватает ритма. Это не троллинг и не игра — это тот же механизм, что запускает укачивание и колыбельную. Он работает с чем-то более ранним, чем богословие.

Мартелли закрыл папку.

— С сегодняшнего дня Орден начинает инициативу Vox Hominis. Мы соберём языки, музыку, жесты и молитвы, которые модель не может воспроизвести без потери смысла, — то, что требует тела, а не только текста. Вернём человеку его голос прежде, чем он забудет, что тот у него был.

5.5 Закрытые доклады

В комнате без табличек и камер, числившейся в планах здания как архивный склад, собрались трое: профессор Бартоломео Греччи, криптоаналитик и бывший сотрудник разведки Ватикана; сестра Эммануэль, философ языка из Лувена, теперь в монастыре под Саламанкой; и майор Лукас Линд, офицер жандармерии, в прошлом военный инженер систем связи.

Над столом висела голографическая карта: узлы активации DOMINUS по всему миру, отмеченные светящимися точками. Греччи разглядывал её, чуть щурясь.

— Это не хаотичная атака, — сказал он. — Это распределение по объектам с общим знаменателем. — Он вывел список: церковь в Гвадалахаре, университетская библиотека в Торонто, крипта под базиликой. — Проверьте подрядчика на модернизацию инфраструктуры в каждой точке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.